

ДЖУЛИЯ КУИН

БРИДЖЕРТОНЫ

— — — — —
ГЕРЦОГ И Я

Читайте книги – смотрите сериал!

Бриджертоны

Джулия Куин

Герцог и я

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Куин Д.

Герцог и я / Д. Куин — «Издательство АСТ»,
2013 — (Бриджертоны)

ISBN 978-5-17-120415-0

Красивый, как античный бог, и баснословно богатый Саймон Бассет, герцог Гастингс, был вожаком добычей для всех незамужних аристократок Лондона – но не имел ни малейшего желания прощаться с радостями холостяцкой жизни. Прелестная Дафна Бриджертон отлично понимала, чтобы сделать выгодную партию, необходимо прежде всего обзавестись – пусть даже только для вида – блестящим поклонником. Так появляется в свете эта парочка. Однако лукавая судьба смеется над людской хитростью – и очень скоро «боевой союз» Саймона и Дафны превращается в подлинную, жгучую страсть, а старательно разыгрываемая ими любовь внезапно оказывается любовью истинной...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-120415-0

© Куин Д., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джулия Куин Герцог и я

© Julie Cotler Pottinger, 2013

© Netflix 2020. Used with permission

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог

Рождение Саймона Артура Генри Фицрэндольфа Бассета, графа Клайвдона, было ознаменовано грандиозным торжеством – непрекращающийся звон колоколов, реки шампанского, рукоплескания. Величественный замок – фамильное гнездо новорожденного – стал средоточием всеобщего ликования. Жители селения Клайвдон, оставив работу, не преминули разделить радость с отцом именитого отпрыска.

– Да, – со значением сказал местный пекарь кузнецу, – это тебе не просто ребенок родился.

Пекарь зрил в корень, ибо Саймону Артуру Генри Фицрэндольфу Бассету надлежало стать не просто графом Клайвдоном. То был лишь титул учтивости, не дающий права заседать в палате лордов. Родился наследник титула и богатства древнего герцогского дома Гастингсов и достопочтенного отца, девятого герцога Гастингса, долгие годы тщетно мечтавшего о появлении на свет младенца мужского пола. И вот оно – счастье!

Гордый отец, прижимая к себе плачущее дитя, стоял у дверей в спальню жены. Несколько последних лет из своих сорока он с завистью наблюдал, как у его старых друзей рождались наследники, давая счастливым графам и герцогам уверенность, что их род будет продолжен, а титул сохранен.

Всем, только не герцогу Гастингсу. За пятнадцать лет супружеской жизни его жена пять раз беременела, но лишь дважды это кончалось родами. Младенцам, ко всеобщей печали, не суждено было выжить. Очередная беременность чуть не стоила жизни самой герцогине, и врачи вынесли вердикт: следующая попытка зачать ребенка может стать роковой для супругов. Герцогиня слишком болезненна, слишком хрупка и, надо признать, уже не так молода. Герцог готов был принять свой жребий стать последним из рода Гастингсов.

Однако герцогиня, да благословит ее Господь, не желала покориться судьбе, ибо хорошо знала свое предназначение в этой жизни, а потому месяцев через пять после перенесенных страданий вновь отворила дверь, соединяющую ее спальню со спальней супруга, и герцог возобновил свои попытки зачать сына.

Через некоторое время она сообщила супругу о новой беременности, но герцог уже не ждал благоприятного исхода. Герцогиню уложили в постель, вызвали лучших докторов. Один из них – светило из Лондона – за баснословный гонорар согласился на время оставить практику и поселиться в поместье. Гастингс воспрял духом. Луч надежды проник в окно герцогских покоев.

Герцогиня страдала от болей, и знаменитый доктор велел подложить под нее подушки. Тогда будет лучше действовать земное притяжение, туманно пояснил он. Герцог счел эти слова весьма убедительными и приказал добавить еще одну подушку, в результате чего тело его жены оказалось под углом примерно в двадцать градусов к земной поверхности и оставалось в таком положении около месяца.

Близился решающий час. Все молились за герцога и роженицу, которая буквально таяла на глазах. Конечно, будет девочка, предполагали домочадцы, и не дай бог ей присоединиться к тем двум, что покоятся на соседнем кладбище.

Когда стоны и крики супруги сделались громче и стали раздаваться чаще, герцог ворвался в спальню, несмотря на протесты доктора. Он оставался там до последнего, чтобы скорее, как можно скорее узнать пол младенца.

Вот появилась головка, плечи... Все склонились над страдающей роженицей и... И герцог Гастингс убедился, что Бог существует и что Он не оставил их семейство. Супруг едва

дождался, пока акушерка обмыла новорожденного, тут же схватил его на руки и вышел в большой зал, чтобы показать всем собравшимся.

– У меня сын! – воскликнул он. – Чудесный мальчик!

И пока находившиеся в зале радовались и поздравляли хозяина, тот не сводил глаз с крохи и бормотал:

– Гастингс! Истинный Гастингс!

В порыве чувств герцог велел оседлать одного из лучших призовых коней и выехал за ворота, так как был не в силах усидеть в замке и хотел рассказать о своем счастье каждому встречному.

Тем временем у роженицы никак не унималось кровотечение, врач ничего не мог поделать, она впала в беспамятство и тихо скончалась.

Герцог искренне оплакал жену. Нет, он никогда не любил ее. Долг, уважение, надежда обрести наследника – вот что связывало эту чету. И наконец мечта герцога воплотилась в этом маленьком кричащем комочке... Он распорядился регулярно приносить свежие цветы на могилу покойной, а ее портрет переместить из гостиной в парадный зал, дополнив галерею образов самых почтенных членов семейства.

И занялся воспитанием сына.

Впрочем, процесс этот не был для герцога слишком обременительным. Не посвящать же младенца в тонкости землевладения и особенности управления людьми, населяющими его угодья. Вверив дитя заботам няни, счастливый отец отбыл в Лондон, где продолжал заниматься тем же, чем до появления отпрыска, то есть почти ничем. Правда, теперь он неустанно говорил о сыне всем, и даже самому королю, с гордостью показывал портрет наследника.

Время от времени герцог наезжал в Клайвдон и наконец, когда мальчику исполнилось два года, решил взяться за его обучение. Первым делом был приобретен гнедой пони, затем куплено небольшое ружье для будущей охоты на лис и приглашены учителя по всем известным человеку наукам.

– Но Саймон еще дитя! – восклицала няня Хопкинс.

– Глупости, – снисходительно усмехался герцог. – Разумеется, я не ожидаю от мальчика мгновенных и блестящих результатов, однако начинать обучение, достойное герцога, нужно как можно раньше.

– Он еще даже не герцог, – бормотала няня.

– Это вопрос времени!

И, закончив бессмысленный спор, Гастингс пристраивался рядом с сыном, который молча строил на ковре кривобокий замок из кубиков. Отец был доволен тем, как быстро мальчик подрастал, восхищался его здоровьем, румяными щечками; ему нравились его шелковистые темные волосы, голубые глаза.

– Что ты строишь, сын?

Малыш улыбнулся и ткнул пальцем в кубики. Герцог встревоженно перевел взгляд на няню – он впервые осознал, что не слышал от сына ни единого слова.

– Он не умеет говорить?

Женщина покачала головой.

– Еще нет, ваша светлость.

Герцог нахмурился.

– Ему уже два года. Ну хотя бы несколько слов?

– У некоторых детей это наступает позже, ваша светлость. Уверяю вас, он смысленный мальчик.

– Кто бы сомневался! Ведь он из Гастингсов.

Миссис Хопкинс кивнула и предположила:

– Возможно, ребенку просто нечего сказать. Ведь он всем доволен.

Герцога не слишком убедило это объяснение, и он не стал выслушивать дальнейшие доводы служанки. Гастингс погладил сына по головке, протянул ему оловянного солдатика и удалился из дома, чтобы проехаться на лошади, которую совсем недавно приобрел у лорда Уэрта.

Однако еще два года спустя герцог уже не был так спокоен, когда снова навестил сына.

– Как? Саймон до сих пор не говорит?! – воскликнул он. – Почему?

– Один бог ведает, – отвечала няня, воздевая руки к небу.

– Что вы с ним сделали, Хопкинс?

– Я не причиняла ребенку зла, ваша светлость!

– Если бы вы прилагали должное старание, он, – палец герцога указал на мальчика, – давно бы заговорил!

Саймон, который усердно выводил в тетради буквы, сидя за крошечной партой, с любопытством наблюдал за этой сценой.

– Ему уже четыре года, черт побери! – вскричал герцог. – И он обязан говорить!

– Зато он умеет писать, – защитила своего подопечного миссис Хопкинс. – На своем веку я вырастила пятерых детей, и никто из них не делал это так красиво, как ваш сын.

– Много ли проку от красивого почерка, если он нем как рыба! – Герцог резко повернулся к отпрыску: – Скажи мне хоть слово, черт тебя возьми!

Саймон весь сжался, его губы задрожали.

– Ваша светлость! – воскликнула няня. – Вы пугаете ребенка.

Теперь гнев герцога обрушился на нее:

– А может, его надо испугать! Может, он так избалован, что просто ленится произнести лишнее слово! Хорошая взбучка – вот чего ему недостает!

В ярости он выхватил из рук няни серебряную щетку с длинной ручкой, которой та причесывала мальчика, и замахнулся на сына.

– Я тебя заставлю говорить, маленький упрямец!

– Нет!

Няня вскрикнула. Герцог выронил щетку. Оба они в первый раз услышали голос Саймона.

– Что ты сказал? – прошептал герцог и невольно прослезился.

Мальчик стоял перед ним, сжав кулачки и вскинув подбородок.

– В-вы н-не...

Герцог смертельно побледнел.

– Что он говорит, Хопкинс?

Сын делал отчаянные попытки выговорить что-то.

– В-в... – вырвалось из его горла.

– Боже, – с трудом вымолвил герцог, – он слабоумный.

– Он не слабоумный! – вскричала няня, бросаясь к мальчику и обнимая его.

– В-вы н-не б... бей... т-те... – Саймон набрал в легкие еще воздуха, – м... меня.

Герцог присел в кресло у окна, обхватил голову руками и простонал:

– Господи, за что мне все это?

– Вам следует похвалить ребенка, – услышал он голос няни. – Ведь это его первые слова....

– Слова? Да он дебил! Презренный маленький дебил! И заика к тому же!

Саймон разрыдался. Герцог продолжал стелать и ругаться.

– Вот черт! Род Гастингсов прекратится на этом слабоумном! Долгие годы я молил небо о сыне – и вот награда! Придется передать мой титул наглому двоюродному брату... Все, все

рухнуло!.. – Герцог снова повернулся к мальчику, который всхлипывал и тер глаза, тщетно стараясь прекратить рыдания. – Я не могу смотреть на него! – выдохнул герцог. – Нет, не могу!.. Это выше моих сил. Учить его бесполезно!

С этими словами он выскочил из детской.

Миссис Хопкинс крепко прижала ребенка к себе и с чувством прошептала ему:

– Неправда, ты очень умный. Самый умный из всех детей. И скоро ты научишься хорошо говорить, я в этом уверена!

Саймон продолжал плакать в ее нежных объятиях.

– Мы еще покажем ему! – пригрозила няня. – Заставим взять обратно свои слова, клянись!..

Няня Хопкинс знала, о чем говорила. Пока герцог Гастингс пропадал в Лондоне, всеми доступными способами прогоняя мысли о сыне, она не теряла ни минуты, не спускала с Саймона глаз и учила его, как могла, произносить звуки, слоги, слова, поощряя лаской, если у него получалось, и подбадривая, когда слова не складывались.

Дело продвигалось медленно, но верно. Когда Саймону исполнилось шесть, он заикался уже гораздо меньше, а к восьми годам справлялся порой с целым предложением, ни разу не споткнувшись. Конечно, учение давалось хуже, если мальчик бывал чем-то расстроен, и няня не уставала напоминать: он должен научиться владеть собой и оставаться спокойным, если хочет произносить слова и фразы без запинки.

К счастью, Саймон оказался не по-детски упорным, настойчивым, даже упрямым. Он научился выравнивать дыхание, прежде чем что-либо произнести, и тщательно следить за своей артикуляцией.

Время шло. Мальчику исполнилось одиннадцать. Однажды он задумчиво посмотрел на няню и, собравшись с мыслями, четко произнес:

– Полагаю, настало время навестить отца.

Миссис Хопкинс внимательно посмотрела на своего подопечного. Герцог Гастингс за эти семь лет ни разу не появился в замке, не ответил ни на одно письмо сына, которых набралось, наверное, около сотни.

– Ты в самом деле хочешь этого? – спросила она после долгой паузы.

Саймон кивнул.

– Что ж, тогда я велю заложить карету. Завтра мы отправимся в Лондон, милый мой...

Ехали они долго, и в город прибыли лишь к вечеру третьего дня. Не без труда няня отыскала дом, где никогда раньше не бывала. Затаив дыхание, она постучала бронзовым молотком в величественные двери, которые, к ее удивлению, почти сразу отворились, и взору их предстал не менее величественный дворецкий.

– Посылки принимаются с черного хода, – произнес он и хотел было захлопнуть дверь.

– Подождите! – крикнула миссис Хопкинс, подставляя ногу и препятствуя ему. – Мы не прислуга.

Дворецкий окинул незнакомку подозрительным взглядом.

– Я – да, – пояснила няня, – но мальчик – нет. – Она схватила Саймона за руку, поставив перед собой. – Это граф Клайвдон, и вам следует отнестись к нему с почтением.

Дворецкий потерял дар речи, несколько раз моргнув, прежде чем произнести:

– Насколько мне известно, граф Клайвдон мертв.

– Что? – изумилась миссис Хопкинс.

– И вовсе я не умер! – воскликнул Саймон со всем справедливым возмущением, на которое способен одиннадцатилетний мальчик.

Дворецкий повнимательнее взгляделся в его лицо и, видимо, распознав во внешности кое-какие черты герцога Гастингса, отворил пошире дверь и пригласил незваных гостей войти.

– П-почему вы решили, что я м-мертв? – спросил Саймон, заикаясь.

Он не мог справиться с собой и мысленно ругал себя за это.

– Ничего не могу вам ответить, – отрезал дворецкий. – Не моего ума это дело.

– Конечно, – сердито парировала няня, – ваше дело сказать мальчику такие страшные слова, а отвечают пусть другие.

Дворецкий на минуту задумался, а затем произнес:

– Его светлость не упоминал о нем все эти годы. Последнее, что я слышал: «У меня не стало сына». И вид у его светлости был такой печальный, что никто больше его ни о чем не спрашивал. Мы, то есть слуги, посчитали, что ребенок отдал богу душу.

В горле Саймона что-то заклокотало.

– Разве герцог носил траур? – не унималась няня. – Нет? Как же вы могли прийти к таким выводам, если отец не надевал траурное платье?

Дворецкий пожал плечами.

– Его светлость часто носит черное. Почем мне знать?

– Кошмар какой-то! – воскликнула няня. – А теперь немедленно доложите его светлости, что мы здесь!

Саймон не мог вымолвить ни слова. Он пытался унять волнение, чтобы достойно держать речь перед отцом.

Дворецкий наклонил голову и негромко сказал:

– Герцог наверху. Я тотчас сообщу ему о вашем визите.

В ожидании герцога няня ходила взад-вперед, подбирая наиболее убедительные слова, которыми хотела бы обратиться к хозяину. Саймон стоял посреди холла, прижав руки к телу и тщетно пытаясь упорядочить дыхание.

«Я должен... я обязан говорить нормально, – билось у него в мозгу. – Я могу сделать это!»

Няня поняла его усилия и, подбежав, опустилась на колени, взяла его руки в свои.

– Успокойся, мой мальчик, – увещевала она. – Дыши глубже... Так... И произноси мысленно каждое слово, перед тем как выговорить. Если ты будешь следить...

– Вижу, вы по-прежнему нянчитесь с ним? – услышали они властный голос.

Миссис Хопкинс поднялась с колен, повернулась к говорившему. Она тщетно пыталась быть учливой – уважительные слова не шли ей на ум. Равно как и все остальные слова и фразы. Всмотревшись в лицо хозяина, она уловила в нем сходство с сыном, и ее захлестнул гнев. Да, они очень похожи, но это не означает, что герцога можно назвать отцом мальчика. Какой он ему отец!

– Вы... вы, сэр, не достойны уважения!

– А вы, мадам, извольте пойти вон! – крикнул ей хозяин. – Никто не смеет разговаривать с герцогом Гастингсом в таком тоне.

– Даже король? – спросил Саймон.

Герцог резко обернулся и тихо произнес:

– Ты... Ты подрос...

Саймон молча кивнул. Он ступешался, опасаясь сбиться с верного тона. Такое бывало. Он мог целый день говорить без запинки, но только в случае полного покоя, не как сейчас...

Под взглядом отца он ощущал себя беспомощным, никому не нужным, брошенным ребенком. Дебилем. Его язык – он чувствовал это – стал огромным, сухим и напряженным.

Герцог улыбнулся. Улыбка источала злорадство, жестокость. Или мальчику показалось?

– Ну, что ты хотел еще сказать? – процедил отец. – А? Говори, если, конечно, способен!

– Все хорошо, Саймон, – прошептала няня, бросая уничтожающий взгляд на герцога. – Все в порядке. Ты можешь говорить правильно, дитя мое.

Ласковые слова, как ни странно, произвели обратный эффект. Саймон намеревался говорить с отцом как взрослый со взрослым, а няня обращается с ним словно с несмышленищем.

– Я жду, – сказал герцог. – Ты проглотил язык?

Все мышцы Саймона напряглись, тело завибрировало. Отец и сын продолжали смотреть друг на друга, и время казалось мальчику вечностью, пока ее не прорезали слова герцога.

– Ты самое большое мое разочарование, – прошипел он. – Не знаю, в чем мой грех перед Господом, но я надеюсь, он простит мне, если я больше никогда тебя не увижу...

– Ваша светлость! – в ужасе воскликнула няня. – Как вы можете говорить такое ребенку?!

– Убирайтесь! – взревел он. – Можете оставаться на службе, покуда будете держать его подальше от меня. – С этими словами он направился к двери.

– Пойдите!

Гастингс медленно повернулся на голос мальчика.

– Что ты хочешь сказать?

Саймон сделал три глубоких вдоха через нос. Однако его рот сковывали гнев и страх. Он попытался сосредоточиться, попробовал провести языком по небу, вспомнить все приемы, которым учила его няня. Наконец, когда герцог снова повернулся к двери, мальчик произнес:

– Я ваш сын.

Миссис Хопкинс не сдержала вдоха облегчения, и что-то похожее на гордость мелькнуло в глазах герцога. Скорее не гордость, а легкое удовлетворение, но Саймон уловил это и заметно приободрился.

– Я ваш сын, – повторил он немного громче. – И я н-не... я н-н-не...

Вдруг в его горле что-то сомкнулось. Он в ужасе замолчал.

«Я должен, должен говорить», – стучало в ушах мальчика.

Но рот пересох, горло сдавило. Глаза отца сузились, в них было...

– Я н-н-е...

– Отправляйся обратно, – негромко вымолвил герцог. – Здесь тебе не место.

Слова эти пронзили все существо мальчика, боль охватила тело, вызвав волну гнева, ненависти. В эти минуты он принял решение. Он поклялся, что если этот человек не видит в нем достойного сына, то и он, Саймон, никогда больше не назовет его отцом. Никогда...

Глава 1

В высшем свете трудно отыскать более плодовитое семейство, нежели Бриджертоны. Такое усердие со стороны виконтессы и покойного ныне виконта, несомненно, достойно всяческих похвал. Несколько странным может показаться лишь выбор имен для их восьмерых детей: Энтони, Бенедикт, Колин, Дафна, Элоиза, Франческа, Грегори и Гуацинта. Конечно, при всем уважении к порядку даже самые педантичные родители могли бы давать своим детям имена вне какой бы то ни было зависимости от последовательности букв в алфавите.¹

Более того, если вам, благосклонный читатель, доведется лицезреть их всех – виконтессу и восьмерых ее детей – в одной комнате, вас может удивить, даже испугать мысль, что перед вами один и тот же человек, но раздвоившийся, расстроившийся, развосьмерившийся... И хотя вашему автору не доводилось сравнивать цвет глаз у всех восьмерых, тем не менее комплекция и роскошь каштанового цвета волос каждого из отпрысков делает их почти неразличимыми. Можно только посочувствовать виконтессе в ее матримониальных усилиях и выразить сожаление, что ни одно из ее чад не способно блеснуть на брачном поприще. И все же есть одно бесспорное преимущество у этой семьи, все члены которой так похожи друг на друга, – никто не посмеет усомниться в законности их происхождения.

Ах, благосклонный читатель, преданный вам автор желает, чтобы во всех семьях царила такая уверенность...

«Светская хроника леди Уистлдаун», 26 апреля 1813 года

– О-ох!

Вайолет Бриджертон с отвращением скомкала листок газеты и швырнула в дальний угол гостиной.

Ее дочь Дафна сочла благоразумным пропустить мимо ушей возмущенный вздох матери и продолжила заниматься вышиванием. Тщетно.

– Ты читала это? – спросила мать. – Читала?

Дафна посмотрела на комок бумаги, мирно лежащий под столом красного дерева, и ответила:

– У меня не было возможности сделать это до того, как ты так произвела свой мастерский бросок.

– Тогда ознакомься! – с трагизмом в голосе воскликнула Вайолет. – И узнаешь, как эта женщина злословит по нашему поводу.

Как ни в чем не бывало дочь отложила в сторону вышивание и извлекла из-под стола бумажный катыш. Разгладив листок, она пробежала глазами ту часть «Хроники», которая имела отношение к их семье, подняла голову и сказала:

– Не вижу повода расстраиваться, мама. А в сравнении с тем, что она писала на прошлой неделе о семье Фезерингтон, – сплошные комплименты.

Мать с отвращением мотнула головой.

– Ты полагаешь, мне будет легко найти тебе жениха, если эта змея не прикусит свой мерзкий язык?

¹ Все восемь имен соответствуют восьми первым буквам английского алфавита. – Здесь и далее примеч. пер.

Дафна глубоко вздохнула. После двух сезонов в Лондоне от одного упоминания о замужестве у нее начинало ломить виски. Она хотела выйти замуж, и даже не тщила себя иллюзией, что это будет обязательно по большой любви. Ведь вовсе не так уж страшно, если ее заменит просто симпатия, настоящая дружба.

До сего дня уже четверо просили ее руки, однако, как только Дафна начинала думать, что с этим человеком предстоит провести остаток жизни, ей становилось не по себе. Хотя, конечно, на ее пути встречались мужчины, с которыми она согласилась бы пойти под венец. Беда была в том, что ни один из них не изъявил желания взять ее в жены. О, им всем она нравилась, это не вызывало сомнений! Молодые джентльмены ценили ее быстрый ум, находчивость, доброту, миловидность наконец, но в то же время никто не замирал в присутствии Дафны, не лишался дара речи, сраженный ее красотой, не пытался слагать стихи в ее честь.

Мужчины, пришла она к неутешительному выводу, интересуются больше теми женщинами, в ком чувствуют силу, кто умеет подавить их. Она же не из таких. Ее обожали за легкость нрава, умение понимать чужие мысли и чувства. Один из молодых людей, который, по мнению Дафны, мог бы стать ей хорошим мужем, как-то сказал: «Черт возьми, Дафф, ты совсем не похожа на большинство женщин – ты очень хорошая».

Она сочла бы это многообещающим комплиментом, если бы «претендент» тут же не отправился на поиски куда-то запропастившейся белокурой красоты...

Дафна опустила глаза и заметила, что рука ее сжата в кулак, а подняв взор, обнаружила: мать не сводит с нее глаз в ожидании ответа.

– Уверена, мама, что писанина леди Уистлдаун нисколько не уменьшит мои шансы на ярмарке невест.

– Но, Дафна, ты выходишь в свет уже целых два года!

– А леди Уистлдаун начала издавать свою газетенку всего три месяца назад. Так что дело, видимо, не в ней.

– Нет, именно в ней! – настаивала Вайолет.

Дафна вонзила ногти себе в ладонь, чтобы не позволить лишнего в споре с матерью. Она понимала: мать безмерно любит ее – и отвечала родительнице горячей дочерней любовью, считая Вайолет самой лучшей из всех матерей. И разве не оправдывало бедную мать семейства то, что, кроме Дафны, ей предстояло выдать замуж еще трех дочерей?

Вайолет прижала к груди хрупкую руку.

– Эта женщина бросает тень на твое происхождение, Дафна!

– Ничего подобного, мама, – спокойно ответствовала дочь. – Там сказано, что, наоборот, в законности нашего происхождения нет никаких сомнений. Такое, согласишься, можно утверждать далеко не о каждой многодетной семье, особенно великосветской.

– Ей не следовало вообще касаться этой темы! – не успокаивалась Вайолет.

– Но, мама, она же автор скандальной «Хроники». Сплетни – ее хлеб.

– Неизвестно даже, существует ли она вообще, эта леди Уистлдаун! – проворчала мать. – Никогда не слышала такого имени. Конечно, она не из нашего круга. Приличная женщина никогда не опустилась бы до уровня скандального хроникера.

– Именно из нашего, мама, – все так же спокойно и рассудительно ответила Дафна, не отрываясь от вышивания и скрывая озорной блеск глаз. – Иначе откуда бы ей знать столько подробностей нашей жизни. Не думаешь же ты, что она заглядывает по ночам в окна или прячется под кроватью?

– Мне перестает нравиться твой тон, Дафна, – сухо заявила мать.

Дочь ответила лучезарной улыбкой. Она хорошо знала эту фразу: мать произносила ее всякий раз, когда кто-то из детей брал верх в споре с ней – пускай в самом пустяковом. Но так скучно сидеть за вышиванием – почему бы немного не поддразнить родительницу?

– Кстати, мама, я бы совсем не удивилась, узнав, что леди Уистлдаун – одна из твоих добрых знакомых.

– Прикуси язычок, Дафна Бриджертон! Никто из моих друзей не опустится столь низко.

– Согласна, – сдалась дочь. – Но если не ближний круг, то это кто-то, кого мы хорошо знаем. Посторонние не могут знать таких подробностей, которые она публикует в своей газетенке.

– Кем бы она ни была, – решительно заявила Вайолет, – я не хочу иметь с ней никакого дела.

– Тогда самое мудрое – не покупать ее «Хронику», не правда ли? – простодушно заметила дочь.

– А что это изменит? Ведь все остальные покупают и будут покупать. И я окажусь в дурацком положении: они узнают последние сплетни, а я нет.

Дафна не могла не согласиться с матерью, но сделала это молча: ее азарт иссяк.

Великосветский Лондон за последние три месяца уже почти привык к газете леди Уистлдаун, которая регулярно появлялась возле дверей аристократических домов по понедельникам, средам и субботам. Именно появлялась – потому что просто лежала там, и никто не требовал за нее платы. Но в один прекрасный день «благосклонным читателям» объяснили, что теперь каждый экземпляр будет стоить пять пенсов. Подумать только: целых пять пенсов за букет сплетен! Да, но зато каких сплетен – самых свежих и благоухающих.

Дафна искренне восхищалась смекалкой и деловой хваткой таинственной леди Уистлдаун: как ловко та подцепила на крючок своих читателей (точнее, читательниц) и как быстро, по-видимому, сколотит капиталчик!

Пока Вайолет, меряя шагами комнату, продолжала возмущаться этой выскочкой, Дафна успела пробежать глазами остальную часть скандальной «Хроники». Это была мешанина из светских новостей, оскорблений и комплиментов, вопросов и ответов. И все же газетенка отличалась от других изданий того же пошиба. Здесь не было места намекам и домыслам: все называлось своими именами, в том числе и сами имена. Никаких «лорд С.» или «леди Ф.»: все откровенно и недвусмысленно. Высшее общество было раздираемо противоречивыми чувствами. С одной стороны – возмущение, досада, с другой – жгучее любопытство: какие еще «жареные» факты появятся в очередной понедельник или пятницу.

Из этого свежего листка Дафна узнала и о вчерашнем бале, на котором не могла присутствовать, потому что в доме праздновался день рождения ее младшей сестры Гиацинты, а домашние праздники свято чтились в их семействе. Поскольку же сестер и братьев было, как уже говорилось, восемь (и мать – девятая), дни рождения отмечались чуть ли не каждый месяц.

– Ты все-таки читаешь этот бред! – упрекнула ее Вайолет.

Дафна подняла голову и, не ощущая ни малейшего угрызения совести, ответила:

– Там много занятного. Описывается бал у Мидлторпов, где Сесил Тамбли разбил целую гору бокалов для шампанского.

– Правда? – стараясь подавить любопытство в голосе, переспросила Вайолет. – Ничего себе. Сколько звона...

– И осколков, – уточнила Дафна. – Здесь такие подробности! Кто что сказал и кому... Во что одеты...

– И, наверное, непререкаемое мнение по поводу каждого туалета? – не удержалась от нового вопроса Вайолет.

Дафна усмехнулась.

– Ладно, мама. Я знаю, на что ты намекаешь: миссис Фезерингтон жутко выглядит в своем лиловом?

На лице Вайолет промелькнула улыбка, которую она тут же попыталась согнать, но ей не удалось, и, улыбнувшись шире, она подошла к дочери, села рядом и примирительно проговорила:

– Хорошо, довольно спорить. Дай и мне взглянуть. Что там еще стряслось? Не пропустили ли мы что-нибудь важное?

– Не беспокойся, мама, – уверенно ответила Дафна, – с таким репортером, как леди Уистлдаун, мы ничего не пропустим. – Она снова заглянула в листок. – Как будто сами там побывали. Даже больше узнаем, чем если бы сами... Вот слушай... – Она принялась читать: – «Тощий, как мумия, молодой человек, известный ранее под именем графа Клайвдона, почтил наконец захудалый город Лондон своим присутствием – теперь, когда стал новоиспеченным герцогом Гастингсом». – Она умолкла и, набрав воздуха, продолжила: – «Его светлость шесть лет провел за границей, и случайно ли совпадение, что вернулся он только после того, как старый герцог Гастингс покинул этот мир?» – Дафна снова прекратила чтение и сказала с неодобрением: – Она все-таки довольно резка и цинична в своих предположениях, эта леди Уистлдаун. Ты права, мама. – И после паузы добавила: – Кажется, наш Энтони водил дружбу с неким Клайвдоном? Я не ошибаюсь?

– Да-да, он теперь и стал Гастингсом. Энтони учился с ним в Итоне и потом в Оксфорде. Они, по-моему, приятельствовали одно время. – Вайолет наморщила лоб, вспоминая. – Насколько я знаю, этот юноша не был паинькой. Большой задира и шалопай. И всегда на ножах со своим отцом. Но говорили, что с большими способностями. Особенно в этом... как ее... в математике. Чем не могут похвастаться мои дети, – добавила она с тонкой улыбкой.

– Ну-ну, мама, – утешила ее Дафна. – Не переживай так сильно. Если бы девушек принимали в Оксфорд, я бы тоже там преуспела. Правда, не в математике.

Вайолет фыркнула.

– Как же! Помню, мне приходилось проверять твои тетрадки, когда гувернантка болела. Худшие минуты в моей жизни!

– Зато как я знала историю! – Дафна вновь заглянула в газету. – Положительно меня заинтересовал этот тощий, как здесь написано, и задиристый, как ты утверждаешь, субъект. Во всяком случае, что-то новое на нашем тоскливом небосклоне.

Вайолет бросила на нее настороженный взгляд.

– Он совершенно не подходит для молодой леди!

– Однако как вольно ты играешь моим возрастом, мама. С одной стороны, я слишком молода для друзей Энтони, а с другой – засиделась в девицах.

– Дафна Бриджертон, мне не...

– ...нравится твой тон, – продолжила Дафна. – Но ты все равно любишь меня. Верно, мама?

Мать рассмеялась и обняла дочь за плечи.

– А как же иначе, моя дорогая.

Дафна потерлась своей щекой о материнскую.

– Это крест всех матерей, я знаю. Они приговорены любить тех, кого произвели на свет, какими бы ни были их чада.

Вайолет вздохнула:

– Ты права. Но судьба была ко мне благосклонна. Надеюсь, однажды у тебя тоже появятся дети и ты...

– Тоже будешь их любить, как я вас, – договорила за нее Дафна и положила голову на плечо матери.

Вайолет, возможно, была излишне придиричива, а отец всегда больше интересовался собаками и охотой, нежели домашними и общественными обязанностями, но родители обожали друг друга, детей, и в доме царили мир и покой.

– Я всеми силами буду стараться следовать твоему примеру, мама, – прошептала Дафна.
– Как приятно это слышать. – В глазах Вайолет блеснули слезы. – Это лучшая награда для меня.

Дафна в задумчивости накрутила каштановую прядь на палец, а затем, решив сменить сентиментальный тон на шуточный, проговорила:

– Да, я пойду по твоим стопам и не остановлюсь до тех пор, пока у меня не будет восемь детей...

А в это самое время Саймон Артур Генри Фицрэндольф Бассет, с недавнего времени – герцог Гастингс, о коем только что вскользь упомянули мать и дочь Бриджертон, сидел в старейшем лондонском клубе «Уайтс». Его визави был не кто иной, как Энтони, самый старший из братьев Дафны. Да и сами молодые люди казались братьями – оба худощавые, высокие, с густыми темными волосами. Разительную непохожесть выдавали лишь глаза. У Энтони – шоколадного оттенка, как у его сестры, а у Саймона – пронзительно-голубые, словно льдинки.

Именно это составило ему репутацию человека твердого и непоколебимого. От его пристального взгляда женщины трепетали, а мужчины чувствовали себя неуютно.

Но к Энтони это не относилось: молодые люди были закадычными друзьями.

– Не забывай, что я видел тебя в разных ситуациях. Бывало даже с головой, опущенной в ночную вазу, – со смехом проговорил Энтони.

На что Саймон ответил:

– Если мне не изменяет память, именно ты держал меня над этой вазой.

– А чем ты мне отплатил на мое благодеяние? – продолжал игру Энтони. – Подложил в постель дюжину угрей...

Саймон по-прежнему считал Энтони ближайшим другом и после возвращения в Англию первым делом встретился именно с ним.

– Очень рад тебя видеть, Клайвдон! – в который раз повторил Энтони. – Ох, ты, наверное, предпочитаешь, чтобы я теперь называл тебя Гастингсом?

– Нет! – с непонятной для Энтони поспешностью ответил Саймон. – Гастингсом навсегда останется мой отец. Я приму титул, если того потребуют обстоятельства, но не стану носить это имя.

– Обстоятельства? – с удивлением переспросил Энтони. – Да кто не мечтает стать герцогом? Ты меня удивляешь!

Саймон нервно провел рукой по волосам и ответил не сразу. Да, он знал, что должен – таковы давние традиции – сохранить родовое имя, родовые владения и тем самым подтвердить и упрочить место семьи в истории Англии, но ведь кем он был до недавнего времени? Сын, отвергнутый отцом чуть ли не с рождения, да и в юные годы не удовлетворявший того своими взглядами и поведением. Отец скрепя сердце мирился с его существованием, но горячих чувств не испытывал и, как и прежде, не желал видеть. Сын платил ему той же монетой. Одним словом, нашла коса на камень.

– Это чертово ярмо не для меня, – пробормотал он наконец.

– Придется к нему привыкнуть, – сказал Энтони. – И к новому имени тоже.

Саймон вздохнул. Он понимал, что приятель прав, что его протест может быть воспринят в обществе как кокетливое кривлянье.

– Ладно, – продолжал Энтони, – не будем о грустном. Ты прибыл как нельзя кстати. Мне нужна поддержка в моих трудных и нудных хлопотах.

– Что за хлопоты, Тони?

– Мне, видишь ли, придется сопровождать одну из сестер на очередной бал.

Саймон откинулся на спинку кресла и не без интереса посмотрел на собеседника.

– Мне это мало о чем говорит. Лично я далек от подобной суеты.

– Что ж, придется осваиваться в новых обстоятельствах, дружище. Доверься мне, и я помогу тебе на первых порах.

Саймон заливисто рассмеялся:

– Если я не ослышался, человек, пытавшийся окунуть мою голову в ночную вазу, предлагает мне трогательную заботу?

– О, тогда мы были совсем юные, Саймон. Теперь, увы, все по-другому.

– Теперь ты образец благопристойности и хранитель семейных устоев?

– В самую точку! И я рассчитываю на твою помощь.

Энтони на минуту задумался, а затем спросил:

– Полагаю, ты намерен занять определенное положение в обществе?

– Это совсем не так, Тони.

– Но ты говорил, что собираешься на вечер к леди Данбери.

– Только потому, что испытываю симпатию к этой прямолинейной старухе. Она всегда говорит то, что думает.

– Ну, допустим, не всегда, – заметил Энтони.

– Ты прав. Но она чаще других говорит искренне. Кроме того, она хорошо относилась ко мне, когда я был ребенком. Я несколько раз проводил у нее в доме школьные каникулы. Дружил с ее племянником.

Энтони кивнул:

– Итак, я понял. Ты намерен избежать соблазнов света. Но знай, мой друг, они все равно тебя настигнут, где бы ты ни находился.

Слово «они» Энтони выпалил так, что Саймон чуть не поперхнулся своим бренди. Откашлявшись, он переспросил:

– Кто эти грозные «они», которыми ты меня так напугал?

– Скоро сам убедишься – матери!

Саймон пожал плечами.

– К сожалению, я не знал свою матушку. Но я не совсем понимаю...

– Скоро поймешь! Матери юных невест! Не женщины, но огнедышащие драконы! От них нигде не укроешься. И должен тебе признаться: моя родительница – одна из самых опасных.

– Боже мой, а я-то полагал, что самое опасное место – в джунглях Амазонки.

Энтони бросил на приятеля неодобрительный взгляд:

– Будет не до шуток, когда тебя стреножит одна из таких матрон вместе со своей щедрой дочкой в белом наряде и принудит к бесконечному разговору о погоде, балах и лентах для волос.

Саймон усмехнулся:

– Если не ошибаюсь, за время моего отсутствия ты превратился в истинного великосветского шалопая? То есть, прости, джентльмена.

– Видит бог, я этого не хотел! Будь моя воля, я держался бы в ста милях от общества, избегал бы его как чумы. Но моя сестра в прошлом году начала выезжать в свет, и я просто обязан впрячься в эту колесницу.

– Ты говоришь о Дафне?

– Как, вы были знакомы?

– Нет, но сестра отправляла тебе письма, когда мы учились еще в школе, и я запомнил, что она родилась четвертой в семье, а значит, ее имя на «Д».

– Верно. Наш семейный метод давать имена детям. Эффективен при амнезии – не забудешь, как кого зовут.

Саймон рассмеялся:

– Ваше изобретение – самое крупное в Англии после паровой машины Уатта.

– Согласен, – скромно кивнул Энтони и, наклонившись к другу, сказал: – Мне пришла в голову смелая мысль: на этой неделе у нас состоится семейный обед – почему бы тебе не присоединиться к нам?

Брови Саймона слегка приподнялись.

– Ты же нарисовал страшную картину, пугая меня драконами в образе матерей и девиц на выданье, разве не так?

– Ну, мать я возьму на себя, не спущу с нее глаз, а насчет Дафны изволь не волноваться – она не из таких. Счастливое исключение, которое лишь подтверждает правило. Тебе она наверняка понравится.

Глаза Саймона недоверчиво сузились: не играет ли с ним приятель? Не пытается ли заманить в ловушку?

Энтони угадал ход его мыслей и со смехом произнес:

– Господи, уж не подозреваешь ли ты, что я в сговоре с матушкой?

Саймон промолчал.

– Ты для Дафны совсем не подходишь, – продолжал Энтони.

– Почему это? – удивился Саймон.

– Слишком погружен в себя. Всегда был таким, насколько я помню.

Некоторое время Саймон обдумывал характеристику и, так и не решив, хорошо это или плохо, задал следующий вопрос:

– Она получила уже много предложений?

– Несколько. – Энтони, допив бренди, откинулся в кресле. – С моего согласия, она отказала всем.

– Как великодушно с твоей стороны.

Энтони не принял иронии и продолжил:

– Видишь ли, я не ищу великой и вечной любви для своей сестренки, но не отвергаю при этом возможности счастливого брака. Однако не с человеком, который годится ей в отцы, и не с промотавшимся гулякой, или, наконец, не с тем, кто слишком сух и высокомерен для нашей веселой семьи. Упаси бог! А на этой неделе ее руки просил вообще один...

Энтони замолчал, как опытный рассказчик, играя вниманием слушателя.

– Что жестряслось на этой неделе? – не выдержал Саймон.

– Ну, этот последний... Впрочем, он вполне приятен в обращении, только немного туповат. Но ты можешь вообразить, что я чрезмерно придиричив. Ничего подобного – я такой же, каким ты меня знал в далекие дни нашей беспутной молодости. Я вовсе не хочу огорчать беднягу и разбивать ему сердце, а потому...

– А потому перекладываешь это на хрупкие плечи своей сестры. Верно?

– Нет, мой друг. Я сам откажу ему, но весьма деликатным образом.

– Мало кто из братьев идет на такое ради сестер!

– Дафна и правда хорошая сестра, – серьезно сказал Энтони. – И я готов для нее на многое.

– Даже водить по магазинам и выслушивать разговоры о погоде, балах и лентах для волос?

– Понадобилось бы – выслушал, но Дафна не того поля ягода!

– Охотно верю, однако у тебя на подходе еще три сестрицы, не так ли, мой бедный друг?

– Совершенно верно. Но все они моложе Дафны, у меня есть еще время собраться с силами.

Саймон иронически усмехнулся:

– Что ж, удачи!

По правде говоря, он немного завидовал приятелю, окруженному большой семьей, не опасавшемуся одиночества и даже не ведавшему, что это такое. Сейчас Саймон был далек от намерения свить собственное гнездо, однако не отвергал такой идеи в принципе. Он даже

допускал, что его жизнь в этом случае наполнилась бы иным смыслом, стала бы более содержательной, даже привлекательной...

Из некоторой задумчивости его вывел вопрос Энтони:

– Так тебя ждать к ужину? Он не будет званым, только мы вдвоем. Ты – десятый.

Эти дни для Саймона выдалась крайне хлопотными – вступление в права наследства, управление именьями, – и он с некоторым удивлением услышал собственный ответ:

– С удовольствием.

– Очень рад, дружище! Но прежде мы увидимся у леди Данбери, не так ли? Ты ведь собирался?

Саймон содрогнулся.

– Теперь и не знаю, как поступить. Ты меня так запугал драконами... Если я и приду, то постараюсь удрать через каких-нибудь полчаса.

– Думаешь, тебе это удастся?

Независимый вид Саймона лучше всяких слов говорил, что именно так он и думает.

Глава 2

Новоявленный герцог Гастингс оказался весьма неординарной личностью. Начать хотя бы с того, что он так и не смог наладить отношений с собственным отцом. Или не пожелал? О причинах не в силах догадаться даже ваш автор.

«Светская хроника леди Уистлдаун», 26 апреля 1813 года

На этой же неделе состоялся званый вечер у леди Данбери, и Дафна, скрывавшаяся в одном из укромных уголков бального зала, чувствовала бы себя вполне уютно, не огорчи ее Энтони сообщением, что некий Найджел Бербрук возобновил свои матримониальные притязания. Ему было в очередной раз отказано, но Дафну не покидало ощущение, что этим дело не кончится: претендент, видимо, оказался упорным и решил штурмовать бастион до конца.

Вот он пересекает зал, озираясь по сторонам... Дафна постаралась еще надежнее спрятаться за спины матрон. Она совершенно не знала, как с ним говорить и о чем – с этим довольно милым, но недалеким и навязчивым человеком, и предпочла укрыться если не в кустах, то в тени огромных портьер.

Но и это оказалось недостаточно надежным. Дафна уже собралась позорно ретироваться в дамскую комнату, когда услышала знакомый голос:

– Эй, сестрица, да ты никак прячешься?

– Энтони! Не ожидала тебя здесь встретить.

– Это все матушка, – сказал брат. – Разве мы можем ей отказать?

– Не можем, – обреченно согласилась Дафна.

– Представляешь, она вручила мне список приемлемых невест. Для меня, разумеется.

Но мы все равно ее любим и уважаем, верно?

– Конечно. Для меня она тоже составила список женихов.

– Понятное дело: ты вступила в брачный возраст, сестрица.

– Хочешь принести меня в жертву? Но ведь ты на целых восемь лет старше. Тебе давно пора!

– Понимаешь, – серьезным тоном заявил Энтони, – старые девы во много раз страшнее закоренелых холостяков. Поэтому весь свой пыл дражайшая родительница обращает именно на тебя.

– Она пригрозила, что будет натравливать женихов по одному каждую неделю. Согласно списку. А в нем – ой сколько!

– В моем тоже немало, – заметил Энтони. – Он у меня с собой.

– Зачем? Вдруг кто-то увидит.

– Хочу поддразнить матушку. Вытащу при всех и буду рассматривать в монокль.

– У тебя нет монокля.

– На днях приобрел.

– Не смей этого делать! – воскликнула Дафна, потому что Энтони и в самом деле вынул из кармана жилета какой-то сложенный листок. Правда, монокля не достал. – Мама тебя убьет! А заодно и меня.

– Что ж, сестрица, ты заслужила: слишком разборчива.

Дафна толкнула его в бок, издав при этом что-то вроде победного клича, чем привлекла внимание нескольких господ.

– У тебя не женская ручка, – произнес брат, потирая ушибленное место.

– И хороший опыт, – добавила Дафна. – Все-таки аж четыре брата и время от времени каждый нарывается на скандал... Дай взглянуть на твой список.

– После того как ты чуть не изувечила меня? Ни за что! А впрочем, держи. Она развернула листок, заполненный аккуратным почерком матери. Список состоял из десятка женских имен.

– Что ж, этого я примерно и ожидала.

– Совсем ужасно или не очень? – спросил брат.

– Да уж, выбор не из лучших.

– Неужели нет достойной невесты? О, я несчастный!

– Что за тайные переговоры вы здесь ведете? – услышали они знакомый голос.

– Бенедикт! – воскликнула Дафна. – Мама и тебя отправила на эту пытку?

Второй по возрасту и по букве алфавита брат, улыбаясь, приблизился к ним и произнес:

– Увы, да. Отвертеться не удалось. И не меньше трех раз напомнила мне, Энтони, чтобы я поскорее занялся воспроизводством следующего виконта, если ты продолжишь относиться к этому столь безответственно.

Старший брат ответил сдавленным стоном.

– От кого вы прячетесь? – продолжал Бенедикт. – От мамы? Боитесь, что силком потащит вас к вашим нареченным?

– Смотри, как бы тебя не повели, – парировал Энтони. – Ты тоже у нее на заметке.

– Что касается меня, я скрываюсь от Найджела, – призналась Дафна.

– От этого представителя отряда приматов? – пошутил Бенедикт.

– Не стоит так говорить, – недовольно ответила Дафна. – Просто мы потолковали с ним о многом и совершенно исчерпали запас тем для разговоров.

Два старших брата Дафны были похожи друг на друга – оба высокие, широкоплечие, кареглазые; оба нравились женщинам и знали об этом. И сейчас на них уже начали посматривать матери юных девиц, подготавливая барышень к более решительным действиям.

– Что за листок у тебя в руке, Дафна? – спросил Бенедикт.

Занятая мыслью о том, не скрывается ли все-таки в дамской комнате, она рассеянно передала ему список невест для Энтони, и Бенедикт не сдержал громкого смеха, ознакомившись с содержанием.

– Нечего гоготать, – обиделся старший брат. – Тебя со дня на день ждет такой же.

– Не сомневаюсь. И брата Колина тоже... Вы еще не видели его? Ох, а вот и он!

К родственному кругу присоединился третий брат (третья буква алфавита).

– Мы ждали тебя не раньше следующей недели, – сказал Энтони после обмена приветствиями. – Как Париж?

– Очень скучный город, – ответил Колин.

– Догадываюсь... Это означает, что ты раньше времени потратил все деньги, – рассмеялась Дафна.

Колин склонил голову.

– Ты права. Виновен, но заслуживаю снисхождения.

Колин считался в семье легкомысленным юношей, гулякой и повесой, хотя в общем-то совсем не был таковым. Просто, как известно, все познается в сравнении, и в сопоставлении с рассудительным Энтони, распорядителем семейных капиталов, с домоседом и флегматиком Бенедиктом, не говоря о несовершеннолетнем Грегори, он мог, пожалуй, считаться порядочным шалопаем, что и подтвердил, стоило ему снова раскрыть рот.

– Хорошо снова оказаться дома, – сказал он. – Хотя погода на континенте намного лучше, чем у нас, а уж о женщинах говорить нечего. Там я познакомился с одной...

Дафна ущипнула его за руку.

– Ты забыл, что рядом дамы, негодный мальчишка!

Впрочем, особого негодования в ее голосе не чувствовалось: Колин был ей ближе всех остальных по возрасту, и она надеялась еще услышать рассказ о его похождениях. Только не здесь...

– Видел уже маму? – спросила Дафна.

Колин покачал головой.

– Не застал дома. Она здесь, верно?

– Наверное, хотя мы ее пока тоже не встретили. Но нам угрожает нечто более ужасное.

Это произнес Бенедикт, который первым увидел, что к ним направляется престарелая леди, опирающаяся на трость, – сама хозяйка дома, леди Данбери, известная прямоотой и резкостью суждений. На нее почти никто не обижался, ведь все к этому привыкли. К тому же старушка была, в сущности, приветлива и добра.

– Не притворяйтесь, что не замечаете меня, вы, Бриджертоны! – крикнула она им вместо приветствия и взмахнула палкой в опасной близости от живота Колина.

Тот отпрянул и наступил на ногу Бенедикту.

– Ваш семейный клан недурно смотрится, когда вы все вместе, – снисходительно заметила она.

– Спасибо, леди Данбери, – поклонился Энтони, но она проигнорировала этот жест.

– А вас, милочка, – ее палка указала на Дафну, – разыскивает мистер Бербрук. На вашем месте я бы вырвала его с корнем!

– Благодарю за совет, – искренне ответила Дафна, сразу поняв и оценив эту несколько мудреную фразу.

– Наше славное общество, – продолжала леди Данбери, опять никак не реагируя на благодарность, – не так богато светлыми головами и остроумными людьми обоего пола, чтобы терять их таким несуразным образом, и ваш старший брат оказал этому обществу и вам, мисс Бриджертон, неоценимую услугу, когда осмелился ответить мистеру Бербруку отказом от вашего имени.

После этих слов пожилая леди величественно проследовала дальше.

– Всем обо всем известно, – пробормотала Дафна. – Однако я почему-то ей нравлюсь, если я верно истолковала ее слова.

– Мы тоже так поняли, – заверил сестру Бенедикт.

– Тогда спасибо и вам, – лучезарно улыбнулась братьям Дафна и направилась в дамскую комнату.

Проходя через коридоры и холлы в направлении бального зала, Саймон удивлялся и отчасти радовался своему хорошему настроению. Он никогда не выносил этих тоскливых сборищ, да и редко посещал их, а за годы пребывания за границей вообще отвык от такого времяпрепровождения. Тем более что в недавнем разговоре Энтони подтвердил – подобные вечера не стали ни интереснее, ни приятнее. И тем не менее у Саймона было светло на душе, и он понимал – это просто оттого, что он вернулся на родную землю.

Нет, ему не было тошно во время странствий по миру. Он с интересом исколесил вдоль и поперек почти всю Европу, пересек Средиземное море, побывал в Северной Африке, откуда направился в Святую землю, и, поскольку не подошел еще срок возвращаться в Англию (а этот срок он установил себе сам), решил отправиться через Атлантику в Вест-Индию, откуда рукой подать до Соединенных Штатов Америки. Но туда он не попал: новоиспеченный американский народ как раз в это время вступил в серьезный конфликт с Великобританией. Однако, пожалуй, главной причиной его досрочного возвращения стало известие о том, что его отец, тяжело болевший все последние годы, скончался.

Зачем же Саймон в свои двадцать два покинул туманный Альбион почти на шесть лет? Разумеется, за эти годы он много повидал, многое обдумал, набрался жизненного опыта, и

все же главной причиной, заставившей его покинуть Англию, была не тяга к странствиям и не любознательность. Он бежал от отца, который, на долгое время предав сына отлучению, внезапно решил приблизить его, возобновив с ним отношения.

Саймон не желал этого. Еще в детстве он дал себе клятву никогда не общаться с отцом, и это чувство крепло в нем с годами. Он быстро уложил чемоданы и отправился в добровольную ссылку – куда угодно, только чтобы не встречаться с человеком, который поступил с ним в прошлом столь жестоко, а теперь собирается принять как сына, будет лицемерно улыбаться, говорить лживые слова о родительских чувствах... Нет!

Отец переменялся к нему, только когда Саймон окончил Оксфорд. До этого герцог даже не желал оплачивать его школьное обучение, заявив в письме одному из учителей Итона, что его слабоумный сын способен лишь опозорить имя и титул славного рода. Однако Саймон был не по летам упрям и настойчив: предстал перед лицом директора и изложил целую легенду о том, что заявление и денежный взнос отца, видимо, затерялись в дороге и он не должен из-за этого страдать и пропускать целый учебный год. Не так ли?.. Он бравировал своим родовым именем, стараясь копировать манеры отца – надменный тон, высоко задранный подбородок, снисходительный взгляд. Словом – юный хозяин жизни. Но в каждую минуту своей отрепетированной заранее речи он смертельно боялся, что слова, вырывающиеся из его рта, начнут налезать друг на друга и вместо фразы: «Я – граф Клайвдон, сын герцога Гастингса, и приехал к вам сюда учиться...» и так далее – у него получится что-нибудь вроде: «Я г-граф Кл-Кл-Кл...», – и все на этом закончится.

Однако он был принят без промедления, и через несколько месяцев до его отца дошли сведения, что сын учится неплохо, но не мешало бы оплатить его пребывание в стенах учебного заведения. При таком положении герцог не мог, не подвергнув себя публичному осуждению в высшем свете, забрать сына из школы, а осуждения он не допускал.

Саймон часто задумывался над тем, почему отец уже в то время не посчитал нужным приблизить к себе сына, и терялся в догадках. Разве что дело было в непомерных амбициях герцога, в его непроходящей обиде на то, что столь желанный и долгожданный ребенок не оказался сразу таким, каким хотел его видеть отец.

Нельзя сказать, что в Итоне Саймон блистал красноречием. Но он хорошо научился владеть собой и быстро выходил из затруднительных ситуаций. Настолько быстро, что никому из одноклассников не приходило в голову дразнить его заикой. Верно, окружающие замечали некоторые странности: то внезапный кашель, то учащенное дыхание, – но к этому вскоре привыкли. Да и кто без странностей?

Герцог не удостоил сына даже малой весточкой, и тот уже окончательно смирился с мыслью, что отца у него нет.

После Итона путь Саймона, естественно, лежал в университет Оксфорда, где он прославился своей худобой и способностями к точным наукам. Справедливости ради следует сказать: он не был ни слишком худ, ни слишком учен, – но в студенческой среде его считали и тем и другим. А поскольку в силу известных причин он старался помалкивать, некоторые считали его высокомерным и тем больше прислушивались к его мнению. Он не был чересчур общительным, зато имел верных друзей (в их числе Энтони Бриджертон) и сам был для них таким же. Еще его считали надежным человеком, красивым малым и, в общем, типичным британцем. К тому же он нравился женщинам.

Саймон не задумывался о своих достоинствах и недостатках, а просто наслаждался открывшейся перед ним жизнью – общением с друзьями, с книгами, с молодыми вдовами и оперными певичками. И порой, когда он все-таки вспоминал об отце в минуты разгула и очередного кутежа, ему в голову приходила приятная и злорадная мысль, что папаша Гастингс этого не одобрил бы.

Но, как ни странно, герцог все же следил за своим единственным сыном и наследником, о чем Саймон и не подозревал. Отец получал сообщения о его академических успехах, а также донесения от специально нанятых сыщиков лондонского полицейского суда на Боу-стрит о его образе жизни и поведении, которые, надо сказать, не вызывали у отца особых нареканий. О том, что герцог уже снял с Саймона все свои подозрения по поводу слабоумия, и говорить нечего. Наоборот: с гордостью говорил он себе и другим, что всегда был уверен – в роду Гастингсов не может быть помешанных или бездарных потомков.

Окончив Оксфорд со степенью бакалавра и отличием по математике, Саймон прибыл в Лондон и снял холостяцкую квартиру, так как не имел намерения жить с отцом. И здесь люди, в кругу которых он вращался, принимали его немногословие и привычку к коротким фразам за высокомерие, а небольшой круг друзей – за некий вид изысканности.

В какой-то момент он прославился в лондонском свете одним лишь словечком «нет». А дело было так. Законодателем мод в тот период считался некий щеголь Браммел², который обожал своими рассуждениями и вопросами о стилях одежды ставить людей в неловкое или смешное положение. И однажды, сделав вид, что ему позарез нужно мнение Саймона о новом шейном платке принца Уэльского, он обратился к нему с длинной фразой, начинавшейся словами «не думаете ли вы?..». На что Саймон, с трудом дождавшись окончания вопроса, коротко ответил: «Нет», – и отвернулся от провокатора.

К следующему вечеру Саймона с полным правом можно было назвать королем общества. То, что он не удостоил вниманием общепризнанного законодателя мод, вообще не вступил в диалог, а просто сказал как отрезал, сразу же возвело его в ранг самых ироничных и остроумных людей сезона. Его «нет» прозвучало как приговор зарвавшемуся любимчику высшего света.

Весть об этом событии дошла до ушей герцога Гастингса, и до Саймона все чаще стали доходить слова о том, что его отношения с отцом могут вскоре кардинально измениться в лучшую сторону, что старый герцог ликовал, узнав об успехах сына при окончании университета, а от краткого ответа незатейливому Браммелу просто пришел в восторг.

Как уже говорилось, Саймон не искал встреч с отцом, однако на одном из званых вечеров они столкнулись лицом к лицу.

Герцог не дал сыну возможности первым нанести прямой удар. Саймон смотрел на человека, так похожего на него самого (если ему удалось бы дожить до старости), и чувствовал, что не может ни приблизиться к нему, ни заговорить.

Как в давние годы, язык увеличился в размерах, прирос к гортани, и казалось, что помимо воли с его губ сейчас начнут срываться все эти «н-не», «м-ме» и «с-с»...

Герцог воспользовался заминкой, но не для того, чтобы вновь нанести оскорбление, а чтобы обнять Саймона со словами «мой сын...».

На следующий день Саймон покинул страну.

Он знал, что если не сделает этого, то не сможет избежать дальнейших встреч с отцом, а видясь с ним, не сможет чувствовать себя сыном этого человека и соответственно относиться к нему после вынужденной разлуки почти в двадцать лет.

Кроме того, ему уже успела наскучить бесцельная жизнь в Лондоне. Несмотря на репутацию повесы, он отнюдь не был таковым. Конечно, за три года в Оксфорде и год в Лондоне ему приходилось неоднократно участвовать в дружеских попойках, посещать званые вечера, а также публичные дома, но всего этого он касался краем сознания.

И он уехал.

² Браммел Джордж (1778–1840) – английский денди, законодатель моды. – *Примеч. ред.*

А вот теперь вернулся и испытывал от этого радость. Было что-то успокаивающее в том, что он у себя дома, что-то умиротворяющее в наступлении столь знакомой тихой английской весны. И друзья! Снова друзья после шести лет почти полного одиночества.

Он не спеша проходил по комнатам, направляясь в зал. Ему не хотелось, чтобы о его приходе оповещали, чтобы его сразу начали узнавать и расспрашивать. Разговор с Энтони Бриджертоном только укрепил его нежелание становиться членом лондонского общества.

Женитьба? Он не думал о ней, не строил планов. И тем бессмысленнее становилось его присутствие на светских раутах и балах.

Он явился засвидетельствовать свое почтение леди Данбери, которую помнил с детства. Да и то, если бы не полученное от нее письменное приглашение и поздравление с возвращением на родину, вряд ли он был бы сейчас здесь.

Этот дом был знаком Саймону с давних пор, и потому он вошел через заднюю дверь, намереваясь найти хозяйку, поприветствовать, а затем ретироваться.

Обогнув очередной угол в анфиладе комнат, он услышал голоса и замер. Этого еще не хватало: чуть не нарвался на любовное объяснение. И кажется, не слишком мирное. Он уже хотел потихоньку удалиться, растаять, когда его остановил женский крик:

– Нет!

Что это? Кто-то принуждает ее к чему-то, чего она не хочет? Саймон был далек от желания совершать героические поступки, защищая незнакомых женщин – тем более неизвестно, от кого и от чего, – но и не мог оставить без внимания то, что происходит рядом. Возможно, попытка какого-то насилия? Он осторожно заглянул за угол, напрягая слух.

– Найджел, – сказала девушка, – перестаньте преследовать меня. Это просто невыносимо!

Саймон чуть не застонал. В какую дурацкую историю он чуть не влип! Не хватало еще стать свидетелем препирательств, должен или нет влюбленный добиваться внимания некой особы.

– Но я люблю вас! – воскликнул мужчина. – И хочу, чтобы вы стали моей женой!

Влюбленный бедняга! Саймон даже посочувствовал ему.

– Найджел, – опять заговорила девушка ласковым терпеливым тоном, – мой брат уже сказал вам: я не могу этого сделать. Но мы останемся хорошими знакомыми.

– Ваш брат ничего не понимает!

– Нет, понимает, – настаивала девушка.

– К черту! Если не вы, то кто?

А вот это уже грубо, – подумал Саймон.

Похоже, юная особа разделяла его мнение.

– Полагаю, – заметила она довольно холодно, – в зале найдется несколько желающих. Или хотя бы одна.

Саймон еще больше выдвинулся вперед, чтобы разглядеть парочку. Молодая леди находилась в тени, на мужчину падал свет от свечей, и его бульдожье лицо хорошо просматривалось. А также поникшие плечи. Он медленно качал головой, повторяя с огромной печалью:

– Нет. Никто... Вы же знаете... они... они...

Казалось, незнакомец тоже заикается, и Саймон ощутил привычное напряжение языка и гортани.

Несчастный уже справился с волнением и продолжил:

– Они не смотрят на меня. Только вы улыбаетесь мне. Только вы одна.

– Ох, Найджел, – вздохнула девушка, – уверена, это не так.

Из всего услышанного Саймон сделал заключение, что девушке ничто не угрожает; более того, она, пожалуй, даже владеет ситуацией. И если говорить о помощи, то она больше требуется этому недотепе Найджелу. Но он, Саймон, помочь, увы, не может, и лучше всего ему неза-

метно ретироваться, пока несчастный влюбленный не обнаружил, что существует еще один свидетель его унижения.

Саймон отступил немного назад, туда, где, как он помнил, находилась дверь, ведущая в библиотеку, через которую можно было пройти в оранжерею, откуда он мог попасть в главный зал, а затем и в бальный.

Но как раз в этот момент девушка громко вскрикнула, а затем раздался злобный голос Найджела:

– Вы должны выйти за меня! Это мой единственный шанс!

Саймон повернул обратно и поспешил на помощь, придав лицу соответствующее выражение и заранее приготовив фразу: «По-моему, дама вам ясно дала понять, чтобы вы перестали преследовать ее!» – но судьба лишила его возможности совершить героический поступок: еще до того как он раскрыл рот, молодая леди вцепилась обидчику пощечину.

Смешно взмахнув руками, Найджел свалился на пол. Однако еще больше Саймона удивило то, что девушка тут же опустилась на колени рядом с упавшим.

– Ох, Найджел, – услышал он ее голос. – С вами все в порядке? Неужели я так сильно размахнулась?

Саймон не мог сдержать смех, и незнакомка резко обернулась.

До этого она находилась в тени, и все, что он мог различить, была копна густых темных волос. Теперь он увидел ее большие, тоже кажущиеся темными глаза и полные чувственные губы. Лицо девушки, по форме несколько напоминающее сердечко, нельзя было бы назвать очень красивым, однако во всем ее облике сквозило нечто такое, что привлекало взгляды. И взгляд Саймона в том числе.

Юная воительница слегка сдвинула брови и невозмутимо спросила:

– Кто вы такой?

Глава 3

Циркулируют слухи, достигшие и ушей вашего автора, что Найджела Бербрука видели в ювелирной лавке Моретона, когда он приценивался к кольцу с драгоценным камнем. Не означает ли это, что вскоре мы будем иметь удовольствие познакомиться с миссис Бербрук?

«Светская хроника леди Уистлдаун», 28 апреля 1813 года

Да, вечер не задался, подумала Дафна. Сначала она пыталась укрыться в одном из затемненных уголков бального зала, что было нелегко, поскольку леди Данбери никогда не жалела денег на освещение. А когда решила сменить укрытие и поспешила прочь, то по случайности наступила на ногу мисс Филипе Фезерингтон, которая и раньше не отличалась тихим голосом, а тут закричала так, что, наверное, было слышно на улице:

– Дафна Бриджертон, ты отдала мне палец!

Этот вопль привлек внимание Найджела, и тот ринулся вслед за Дафной, как охотник за дичью. И настиг-таки девушку у выхода и снова принялся изливать свои чувства.

Все это так было досадно, а теперь еще этот незнакомый, хоть и довольно приятный на вид джентльмен, который стал свидетелем не слишком симпатичной сцены между ней и Найджелом, окончившейся почти нокаутом. Что хуже всего, этот нахал засмеялся.

Дафна смотрела на него с осуждением. В самом деле, кто он? Она ни разу не видела его в лондонском свете, мать не знакомила ее с ним, а уж та не упустила бы случая представить ей такого видного молодого человека. Впрочем, вполне возможно, он женат, вследствие чего навсегда вычеркнут из списка родительницы. Скорее всего, подумала Дафна, последние годы незнакомец находился вне пределов Лондона.

Он был красив, с этим не поспоришь, даже, пожалуй, чересчур для мужчины, когда красота вот-вот может перейти в нечто приторно-сладкое. Но что касается комплекции и роста, их достоинства не вызывали сомнений. Он был не ниже ее старших братьев, что встречается нечасто, и сложен не хуже Энтони, Бенедикта и Колина.

Но какое ей дело до его внешности и тем более до того, могут ли с ним соперничать ее братья? Возможно, она подумала об этом потому, что знала: такие мужчины, как он, никогда не заинтересуются женщинами вроде нее. И еще подумала: какого дьявола он оказался здесь в тот момент, когда несчастный Найджел распростерся на полу, а она присела над ним?

Однако что бы она ни думала и ни чувствовала в эту секунду, все это выразилось в нахмуренных бровях и резком вопросе:

– Кто вы такой?..

Саймон сам бы не мог объяснить, отчего не ответил на вопрос прямо и просто, а вместо этого сочинил весьма витиеватую фразу:

– В мои намерения входило стать вашим спасителем в случае необходимости, но теперь я вижу, что вы не нуждаетесь в моих услугах.

Тем не менее сказанное подействовало, и, заметно смягчив тон, Дафна проговорила:

– Что ж, тогда примите мою благодарность. Жаль, вы не появились чуть раньше – тогда бы я не вlepила ему эту пощечину, от которой он так легко свалился и теперь не может встать.

Теперь Саймон наконец обратил внимание на человека, сидящего на полу и стонущего:

– Даффи, о, Даффи. Я все равно люблю тебя, Даффи.

– Это он к вам обращается? – спросил Саймон, переводя взгляд на молодую леди.

Боже, как она хороша собой, и, если смотреть немного сверху, как смотрит он, вырез ее платья выглядит особенно соблазнительным.

– Не к вам же! – огрызнулась Дафна.

Ей не понравились потуги на юмор, которые она уловила в вопросе незнакомца, но все же она успела обратить внимание, что его взгляд устремлен на ту часть ее тела, которую никак нельзя назвать лицом.

– И что же нам с ним делать?

– Нам? – переспросил Саймон.

– Вы же сами сказали, – с насмешливой улыбкой заметила Дафна, – что намеревались стать моим спасителем. Так спасите хотя бы мою жертву... Что с ним такое, в самом деле?

– Дорогая мисс Даффи, – снисходительным тоном произнес Саймон, наклоняясь к Найджелу. – Мне не хочется вас огорчать, но, по-моему, ваша жертва сильно пьяна. Может, вытащить его на улицу?

– Ни в коем случае! Там льет дождь.

– Дорогая мисс Даффи, – повторил Саймон с той же интонацией. – Вы слишком добры. Ведь этот человек оскорбил вас.

– Ничего подобного, сэръ. С чего вы взяли? Он просто... просто слишком назойлив. А вообще и мухи не обидит.

– Вы ангел, мисс. Я стыжусь своих жестоких намерений.

Сейчас он говорил почти серьезно. Ведь большинство женщин из тех, кого он знал, устроили бы по меньшей мере истерику в подобной ситуации и уж ни в коем случае не проявили бы и капли жалости к обидчику.

Дафна поднялась с колен, отряхнула зеленый шелк платья и поправила прическу: один длинный локон спадал на плечо, слегка касаясь полуобнаженной груди. Девушка что-то объясняла ему, но Саймон, будучи в достаточной степени воспитанным и зная, что даму полагается слушать хотя бы вполуха, не различал сейчас почти ни слова из того, что она говорила о Найджеле, о том, как жалеет его и чувствует свою вину за то, что тот выпил больше, чем следует. Саймон прислушивался не к словам, а к своим ощущениям, а они были таковы: ему ужасно хотелось коснуться губами ее локона и потом продолжить движение от плеча к груди... Он понимал, что с ее чувственных губ срываются какие-то слова, но смысла не улавливал, кроме одного: эти губы требуют поцелуя.

Зато она заметила его рассеянность и сказала:

– Сэр, вы не желаете вдуматься в то, о чем я говорю. Я рассказываю об этом несчастном и спрашиваю, что с ним делать. Слышите?

– Конечно.

– Нет, не слышите.

– Не слышу, – признался он.

– Вы смеетесь надо мной? – возмущенно воскликнула она и топнула ножкой.

– Вовсе нет, – произнес он, не сводя с нее глаз.

Ему нравилось в ней все, и ее гнев тоже.

Она пробурчала что-то неодобрительное, затем резко заявила:

– Если не хотите помочь, тогда уходите.

Саймон постарался взять себя в руки и ответил:

– Простите. Конечно же, я вам помогу. Только скажите, что нужно сделать.

Она вздохнула.

– Все это время я пыталась втолковать вам, сэръ, что Найджел не мог упасть от моей пощечины и тем более так долго лежать. Что же с ним произошло? Может, вызвать врача? Он совсем затих! Боже мой!

Саймон еще раз наклонился к лежащему, слегка подвинул его, повернул голову.

– Да он просто пьян и крепко спит, – заключил он, выпрямляясь.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Даже похрапывает.

– Если это действительно так, сэр, думаю, надо его оставить здесь. Пускай отсыпается...

Впрочем, нет, что я говорю! Как нехорошо с моей стороны! Нужно придумать что-то другое!

– Вы правы, мисс, и вот что предлагаю: я вызову свой экипаж, и мы отправим бедолагу домой.

– О, как я вам благодарна! Это действительно лучший выход.

– Сейчас я отойду, а вы подождите в библиотеке.

– Зачем?

– Вы же не хотите, чтобы кто-нибудь увидел вас над распростертым неподвижным телом?

– Неподвижное тело! – содрогнулась она. – Не нужно так говорить о Найджеле.

– Не беспокойтесь, он вскоре оживет. Итак, ждите меня в библиотеке, а когда вернусь, перенесем его в экипаж.

– Как мы сделаем это, сэр?

– Понятия не имею, – ответил незнакомец с обезоруживающей, почти детской улыбкой, от которой у нее перехватило дыхание.

Дафна и представить не могла, что этот человек со столь резкими манерами и повелительными интонациями умеет так улыбаться.

Раньше она думала, что длительное общение с четырьмя братьями, которые никогда не жалели для нее улыбок, сделало ее малочувствительной к этому способу выражать свое расположение, но оказалось, это не так: ее сердце дрогнуло, она даже почувствовала слабость в коленях.

Чтобы отвлечься от этих волнующих мыслей, девушка снова опустилась на колени рядом с Найджелом, называя его по имени и умоляя проснуться. К ее удивлению, он почти сразу откликнулся и простонал:

– Дафна! Милая Дафна!

Незнакомец моментально отреагировал на имя и произнес:

– Дафна? Раньше этот человек называл вас как-то по-другому. Вас зовут Дафна?

– Да, это мое имя, – раздраженно ответила она, поднимаясь с колен. Ее снова раздосадовал его властный тон. – Что-то не так?

– Боже, вы Дафна Бриджертон?

– Не буду отрицать, сэр.

Саймон отступил на два шага, не сводя глаз с ее лица. Конечно же: густые каштановые волосы, нос, скулы – совсем как у Энтони. Она его сестра!

Вот черт! А он почти поддался сластолюбивым помыслам и хотел овладеть ею! Не здесь, конечно, не в коридоре, но при более удобном случае...

Однако теперь... теперь он не смеет даже в мыслях нарушить незыблемое правило дружбы: не возжелай греховно сестру друга твоего.

По-видимому, она уловила в его взгляде некую растерянность, потому что спросила с легкой насмешкой:

– А могу ли я узнать, кто вы?

– Мое имя Саймон Клайвдон, – пробормотал он.

– Герцог Гастингс?

Он молча кивнул.

– О боже, кто бы мог подумать!

Теперь был его черед наблюдать растерянность на ее лице, она даже побледнела – или ему показалось?

Тоже не без иронии он спросил:

– Надеюсь, вы не собираетесь лишиться сознания, мисс Бриджертон?

Его предположение задело ее, и девушка резко ответила:

- Уверяю вас, нет!
- Замечательно.
- Просто сегодня, – посчитала она нужным добавить, – мой брат говорил о вас...
- Полагаю, ничего плохого? – перебил он ее с усмешкой.
- Говорил, что вы опасный человек. И это я слышала не только от него.
- Я? Д-д...

Он почувствовал, что язык не повинуется ему, и замолчал, набрав в грудь побольше воздуха. Со стороны могло показаться, человек просто возмущен чем-то и пытается совладать с гневом.

– Д-дорогая мисс Бриджертон, – продолжил Саймон, – я не могу поверить этой характеристике.

- Придется, милорд. Об этом даже сообщили сегодня в газетах.
- Неужели в «Таймс»? – воскликнул он с комическим ужасом.
- Нет, в газете Уистлдаун.

– «Уисл...» что? – переспросил он. – Это новое популярное издание?

– Ах да, вы ведь только-только вернулись в Лондон и еще многого не знаете. Но вам придется познакомиться с данной газетой, хотя это всего-навсего листок со сплетнями, порой весьма любопытными.

– Мисс Бриджертон, – произнес Саймон решительно, – пускай Найджел еще немного поспит, а вы расскажете мне об этом скандальном листке...

– Сплошные толки и пересуды, – повторила Дафна. – Злословие и злоязычие. Однако все читают и обсуждают. Оттуда я узнала о вашем возвращении.

– И что же, – глаза его сузились, – написано обо мне?

Вид у него был настолько грозным, что она невольно попятилась и почти уперлась в стену. Дальше отступать было некуда. Что же это ей так не везет сегодня? Два не совсем нормальных мужчины на ее пути: один напивается до бесчувствия от безответной любви, а другой готов чуть ли не ударить ее из-за какой-то газетенки, о которой она имела неосторожность упомянуть. Однако она почувствовала укол совести. Едва человек вернулся на родину, как узнал, что его благородное имя полощет какая-то дамочка... Кому это понравится?

– Не расстраивайтесь так из-за этого, – мягко проговорила она. – Там всего-навсего написано, что вы знатный повеса, чего, полагаю, не станете отрицать, ведь большинство мужчин очень гордятся этим... – Дафна умолкла, ожидая горячих опровержений, но они не последовали и она продолжила: – Кстати, некоторые знакомые подтверждают это мнение.

– И кто же?

– Не кричите, сэра. Например, моя мать, знавшая вас раньше. Только она дала другое определение.

– Какое?

– Шалопай, кажется.

– Звучит намного лучше.

– И, насколько помню, она запрещала мне находиться с вами в одной компании.

– Неужели? А вы?

– Мне было тогда столько лет, что я все равно не могла бы проводить время в вашем обществе.

– Это вас извиняет, Дафна. Давайте поставим все на свои места. Ваша матушка говорила вам, что я нехороший человек, и не рекомендовала даже находиться рядом со мною. Так?

Девушка кивнула.

– Почему же вы тогда столь долго пребываете в моем обществе наедине?

Дафна не сразу нашлась с ответом, но затем указала пальцем на Найджела:

– А он?

– Ну, он не в счет, и поэтому...

Саймону начинала нравиться эта игра. Нравились мгновенные изменения на лице Дафны: ирония, раздражение, гнев, легкая растерянность, почти испуг – и снова улыбка, ирония...

– И поэтому... – повторила его слова Дафна.

– Можно прийти к выводу, что мы с вами вопреки запрету вашей матушки уже долгое время находимся наедине.

– Не считая Найджела, – упрямо напомнила она.

Саймон мельком взглянул на него, но созерцать малоподвижное тело было менее приятно, чем смотреть на Дафну.

– Я почти уже забыл о нем, – признался он. – А вы?

Дафна не ответила, однако беспокойный взгляд, который она кинула на Найджела, был красноречив. Саймон чувствовал, что заигрался, пора заканчивать словесный поединок, сражение взоров, но не мог и не желал положить этому конец. Конечно, он понимал: никакого продолжения не предвидится, он никогда не посмеет проявить какую-либо настойчивость в действиях, да что настойчивость – даже не вполне осторожную фразу по адресу сестры Энтони... И все же хотел продолжения. Какого? Ну, хотя бы как-то определиться с ее незадачливым ухажером. Угроздило же его так напиться в доме у суровой блюстительницы нравов леди Данбери.

И все же он не мог отказать себе в удовольствии еще немного подзадорить эту милую девушку: она так соблазнительно округляет глаза, приоткрывает губы в ответ на его реплики.

Он наклонился к ней и произнес:

– Я знаю, что сказала бы сейчас ваша матушка.

– И что же? – вызывающе спросила Дафна.

Судя по всему, ей тоже импонировала их игра.

Саймон позволил себе слегка коснуться пальцем ее вскинутого подбородка и ответил:

– Она бы предупредила, что нужно быть аккуратнее. – И, чуть помедлив, добавил: – Остерегаться каждого моего движения.

Как Саймон и предполагал, глаза ее широко раскрылись, а губы сжались, она слегка приподняла плечи... и вдруг громко рассмеялась прямо ему в лицо.

– Вы... вы... – проговорила девушка, немного успокоившись, – ваша серьезность просто комична.

Саймона уколола ее ирония.

Дафна уловила перемену его настроения и с усмешкой сказала:

– Да, роль наставника вам не идет. Вы предпочитаете выглядеть демонически и считаете это своим козырем, верно?

Он молчал. Пауза затянулась, поэтому Дафна нашла нужным добавить:

– Такое впечатление вы хотели бы производить на женщин, не правда ли? – Он снова ничего не ответил, и она продолжила: – Не сомневаюсь, это действует на многих, но только не на меня.

– Почему же? – словно очнувшись, спросил он.

Серьезно глядя на него, она пояснила тоном, каким говорят с незадачливыми учениками:

– Потому что у меня четыре брата, и я привыкла к их уловкам и научилась разбираться в мужчинах.

– Вот как... – В его голосе прозвучало разочарование.

– Но ничего, – утешающе произнесла она, потрепав его по рукаву. – Ваши попытки все равно были вполне искусны, я даже польщена таким вниманием. Тем более что со мной заигрывал сам герцог с титулом шалопая. Или шалопай с титулом герцога.

Саймон посмотрел на нее со странной задумчивостью, которая совершенно не вязалась с ситуацией, затем, потеряв подбородок, с расстановкой произнес:

– Мисс Бриджертон, кто-нибудь говорил, что вы дерзкая девчонка?

Она мило улыбнулась, словно услышала комплимент, и сказала:

– Многие считают меня эталоном доброты и благожелательности.

– Эти многие – дуралеи, мисс Бриджертон.

Дафна в задумчивости склонила голову набок, потом перевела взгляд на похрапывающего Найджела и вздохнула:

– Боюсь, что, хоть это и неприятно, вынуждена согласиться с вами.

– Вам неприятно то, что многие дуралеи, или то, что вы дерзкая девчонка? – уточнил Саймон.

– И то и другое. Но больше меня удручает первое.

Герцог громко рассмеялся и удивился, насколько непривычны для него эти звуки. Он уже и не помнил, когда последний раз так беззаботно смеялся.

– Дорогая мисс Бриджертон, – проговорил он сквозь смех, – если в этом мире вы считаетесь образцом доброты и благожелательности, то в нем весьма опасно жить.

– Вы правы. Моя мать часто предупреждает меня об этом.

– Почему же я не могу ее припомнить? – пробормотал Саймон.

– В самом деле?

– Клянусь. Она похожа на вас?

– Довольно странный вопрос.

– Ничего странного. – Но он уже понял, что сказал глупость, а это с ним, как ему казалось, случалось крайне редко, и, желая оправдаться перед самим собой, добавил: – Вообще-то я уже говорил вам – вы, Бриджертоны, как горошины из одного стручка.

Это ее совсем не обидело, и она серьезно сказала:

– Да, верно. Все, кроме матери. У нее светлые волосы и голубые глаза. А мы пошли в отца. Хотя, говорят, у меня мамина улыбка.

После этого утверждения вновь возникло неловкое молчание, которое прервал Найджел, внезапно пробудившись и приняв сидячее положение.

– Дафна, – сказал он, хлопая глазами, – вы здесь? Это вы?

– Боже мой, – тихо произнес Саймон, – он уже перестал вас узнавать? Что вы наделали с его мозгами?

– Я ударила его не по мозгам, а по щеке, сэр. Он просто еще не... не протрезвел.

– Чтобы решиться просить вашей руки, – предположил Саймон, – он, наверное, осушил целую бутылку виски. От него несет как из бочки.

– Неужели я такая страшная? Другие не прибегали к такому способу. Можете навести справки.

Саймон посмотрел на нее так, будто она умалишенная, затем без тени иронии произнес:

– Мисс Бриджертон, я не стану проводить дознание. Я вам верю.

Проигнорировав его замешательство, Дафна предложила:

– Милорд, не пора ли приступить к осуществлению нашего плана?

Тем временем Найджел безуспешно пытался встать, но смог утвердиться лишь на коленях, подползти к Дафне и проговорить:

– Даффи, я обож... жаю вас... тебя... Женись... выходи за меня, Даффи. Ты должна... Это твой долг...

– Заткнись! Тошно от твоих слов! – прикрикнул на него Саймон и, повернувшись к Дафне, сказал: – Мне кажется, если оставим его здесь, то поднимет шум.

– Он уже делает это, – заметила Дафна.

Саймон улыбнулся. Как же ему нравится эта девушка! Кроме всего прочего, она свой парень. Если бы она и в самом деле была парнем, лучшего друга не нужно искать.

Но поскольку глаза говорили ему о противоположном, ради сохранения репутации молодой леди он приказал себе поторопиться поскорее избавиться ее и от своего присутствия, и от притязаний Найджела.

– Возвращайтесь в бальный зал, – властным тоном произнес герцог, – а я займусь... претендентом.

Она нахмурилась.

– Вы справитесь?.. И потом, раньше вы говорили, чтобы я зашла в библиотеку...

– Раньше он валялся как бревно, а сейчас проснулся.

Дафна кивнула и повторила:

– Вам точно не нужна моя помощь? Он такой большой.

– Я еще больше, мисс. Ступайте.

Она окинула Саймона внимательным взглядом. Верно, он худой, но не как щепка, о чем ей говорил брат. Широкие плечи, крепкие ноги, плотно затянутые в бриджи, свидетельствовали о силе и ловкости. И вообще от всей фигуры веяло уверенной основательностью.

– Хорошо, – сказала она. – Заранее благодарю, сэр. Вы на редкость добры.

– Вы ошибаетесь, мисс, – пробурчал он. – Не на редкость, а редко бываю добрым.

– Позвольте вам не поверить, – произнесла она с улыбкой. – Хотя, конечно, если говорить вообще о мужчинах, то надо признать...

– Вы не кажетесь мне особым знатоком этой части человечества, мисс Бриджертон, – не слишком вежливо прервал он ее. – Ну, давайте! – Последние слова относились к Найджелу, которого он уже поднял и поставил на ноги.

Тот воспользовался вертикальным положением и, выкрикнув снова имя возлюбленной, бросился к ней, но это ему не удалось – его удержал Саймон.

Дафна отскочила в сторону и все-таки сумела закончить приготовленную в ответ герцогу фразу:

– Я уже ведь говорила вам, что у меня четыре брата.

Игра так игра, и, безусловно, Саймон не оставил бы без ответа эти слова, если бы Найджел не возобновил попытки дотянуться до предмета своей страсти, что ему на этот раз почти удалось. Он чуть не свалился на нее, бормоча вперемежку слова любви и проклятия.

Если бы Дафна не отскочила, он бы наверняка сбил ее с ног, однако она все же не избежала сильного удара о стенку, отчего у нее заломило плечо и немного закружилась голова.

– Черт побери! – раздраженно вскричал Саймон, хватая Найджела за ворот. – Да успокойтесь же!

Тот яростно замотал головой, брызгая слюной и пытаясь вновь дотянуться до девушки.

– Что с ним делать? – не отпуская воротника Найджела, обратился Саймон к Дафне. – Быть может, слегка поколотить? Слова на него не действуют.

– Сделайте то, что считаете нужным, – ответила та, потирая ушибленное плечо. – Я пыталась быть терпеливой, но с меня довольно.

– Рад выполнить вашу волю, мисс, – сквозь зубы пробормотал Саймон и, отпустив на минуту Найджела, нанес ему короткий сокрушительный удар в челюсть.

Тот рухнул как подкошенный.

Дафна с сожалением посмотрела на него и тихо сказала:

– Пожалуй, он не очень скоро сможет возобновить свои попытки.

– Мне тоже так кажется, – согласился Саймон, сжимая и разжимая кулак правой руки.

– Спасибо, – робко поблагодарила Дафна. – Вы не слишком его?..

– Надеюсь, нет, – решительно ответил Саймон. – Ручаюсь, жить он будет.

После чего произошел мимолетный обмен улыбками.

– Что же теперь делать? – спросила она.

– Вернуться к прежнему плану. Вы подождете в библиотеке, а я схожу за экипажем. Нет смысла тащить его раньше, чем карета остановится у дверей.

– Могу ли я чем-то помочь вам, сэр? – в очередной раз предложила она.

Он помолчал, окидывая задумчивым взглядом распростертого и совершенно неподвижного Найджела.

– Пожалуй, некоторое содействие не помешало бы.

– Не шутите? – удивилась Дафна. – Вы же все время отказывались...

Он сердито взглянул на нее. Как легко он раздражается – для светского человека это неподходящее качество, подумала она.

– Тогда зачем вы спрашиваете, дорогая мисс Бриджертон?

«Дорогая» прозвучало почти как оскорбление, и Дафна обиделась.

– Я не настолько глупа, дорогой сэр, – ответила она, – чтобы предлагать что-то, не имея намерения это выполнить. И просто удивляюсь тем мужчинам, которые...

Он опять прервал ее:

– Я уже слышал, мисс, о вашем огромном опыте общения с вашими братьями и не хочу, чтобы вы повторялись.

– Что? – Ее глаза сделались еще темнее от гнева.

– Прошу прощения, – галантно произнес он, – я полагал, что вам стоит поберечь силы для другого.

– Чего другого? – яростно вскричала она. – Как вы смеете так разговаривать со мной! Что вы себе вообразили?

– Еще раз прошу меня извинить, мисс Бриджертон, но мне кажется, что вы напрасно считаете, будто много знаете о мужчинах, даже если прожили бок о бок с братьями.

Да он просто насмехается над ней!

– Вы... вы!..

От возмущения она почти потеряла дар речи, но его совсем не смутил ее праведный гнев.

– Моя дорогая мисс Бриджертон... – начал он.

– Если вы еще раз назовете меня «дорогая», я закричу на весь дом!

– Вы не сделаете этого, дорогая, – с улыбкой искусителя сказал он. – Это привлечет сюда целую толпу, а вы наверняка не хотите, чтобы вас застали в полутемном коридоре наедине со мной и неподвижным телом претендента на вашу руку.

– Я готова пойти на это, – прошипела она в ярости.

Саймон сложил руки на груди и лениво прислонился к стене.

– В самом деле? Что ж, тогда считайте меня первым из зевак.

Дафна в беспомощном отчаянии вскинула руки:

– Хватит! Довольно с меня! Забудьте... забудьте этот вечер и все, что произошло! Я ухожу!

Она повернулась и пошла. Скорее, скорее отсюда! От этого несносного, но чертовски привлекательного мужчины, от несчастного глупого Найджела...

– Вы же только что обещали помочь мне, – раздался голос за ее спиной.

Проклятье! Когда же наступит избавление от случайного дурацкого знакомства, от этого наваждения?

Она остановилась и проговорила ледяным тоном:

– Я к вашим услугам, сэр.

– Но если вы раздумали, – произнес он так же учтиво и бесстрастно, – если вам не хочется...

– Я сказала, что помогу! – в сердцах вскричала она.

Он улыбнулся. Еще смеет ей улыбаться, чертов герцог!

– Вот как мы поступим, – деловито предложил он. – Я подниму вашего обожателя, закину его правую руку себе на плечо, а вы слегка поддерживайте его с другой стороны.

Стиснув зубы, Дафна подчинилась. В конце концов, если отбросить наглую манеру разговаривать, он ведь помогает ей избежать возможных неприятностей, публичного скандала. И выручает Найджела, хотя тот и не заслужил этого.

Они медленно двигались по коридору, и вдруг ее осенило: зачем, собственно, все эти усилия?

– У меня предложение, – сказала она чуть сдавленным от напряжения голосом.

– Слушаю, мисс, – отозвался Саймон.

– Оставим его здесь.

Он повернулся к ней, насколько позволила их ноша, и в глазах его можно было без особого усилия прочесть желание выбросить несносную девицу из окна.

– Если мне не изменяет память, – медленно проговорил он, – именно вы не хотели оставлять горе-любовника здесь.

– Верно, до того, как он ударил меня об стенку.

– Мисс, а вы не могли прийти к этой мудрой мысли немного раньше? До того, как я начал поднимать его проспиртованное тело?

Дафна почувствовала, что краснеет. Он прав, но разве нельзя излагать все это иначе? Без такой язвительности?

– Ладно, – согласился Саймон и прежде, чем она успела что-либо ответить, опустил Найджела на пол, не предупредив ее о своих действиях.

Она чуть не упала, издав сдавленный крик, который, впрочем, не произвел никакого впечатления на герцога.

– А теперь можем ли мы покинуть это место? – спросил он любезным тоном.

Дафна молча кивнула, озабоченно глядя на лежащего Найджела. В ней снова проснулось сострадание, и она сказала:

– По-моему, он как-то неудобно лежит. Вы не находите?

Саймон уставился на нее – не то с раздражением, не то с удивлением. Какое-то время они не сводили глаз друг с друга.

– Вы всерьез обеспокоены его комфортом? – спросил он.

– Да... то есть нет... не совсем... Подождите.

Она наклонилась и выпрямила согнутые ноги Найджела. Теперь он лежал на спине, снова слегка похрапывая.

– Все-таки он не заслуживает прогулки в вашем экипаже, – вынесла она окончательный приговор неудачливому жениху, одергивая полы его сюртука. – Конечно, жестоко оставлять его здесь, но пусть это послужит ему уроком.

Последних ее слов герцог Гастингс уже не слышал – бормоча себе под нос что-то насчет женских причуд, он стремительно удалялся по коридору.

Глава 4

Лондон в эти дни переполнен честолюбивыми мамами. Во время бала, проходившего на прошлой неделе в доме у леди Уэрт, ваш автор насчитал не менее одиннадцати закоренелых холостяков, пытавшихся укрыться по углам зала и в близлежащих помещениях от этих тщеславных особ, преследующих их по пятам.

Довольно трудно определить, участь какой именно из матерей наиболее тяжела, но ваш автор имеет все основания предположить, что главными игроками этой партии станут леди Бриджертон и миссис Фезерингтон при том, что миссис Ф. имеет определенное преимущество перед леди Б. (которое может в то же время считаться и недостатком). Я имею в виду, что на рынок невест выброшены сейчас целых три мисс Фезерингтон, в то время как у леди Бриджертон должна болеть голова лишь за одну.

Ваш автор берет на себя смелость предупредить, однако, всех здравомыслящих, заботящихся о своей безопасности господ, чтобы те держались подальше от новой поросли еще неженатых молодых людей, когда они в ближайшем будущем подвергнутся осаде со стороны достигших необходимого возраста дочерей Э., Ф. и Г. Бриджертон. Их мать, леди Б., не будет особенно озираться по сторонам бального зала, таща за собой на буксире трех девиц, и помощи нам, Боже, если все они надумали подбивать свои каблукки металлом!

«Светская хроника леди Уистлдаун», 28 апреля 1813 года

В тот вечер Саймону не везло. Сначала он позволил втянуть себя в эту дурацкую историю с сестрой друга и чуть было не предпринял попытку соблазнить ее – подумать страшно, в какое неловкое положение он мог попасть! Как минимум уподобился бы этому ослу Найджелу, которого Дафна то жалела, как лучшего друга, то обходилась с ним как с закоренелым преступником.

Но все это были цветочки по сравнению с тем, что последовало дальше!

Его блестящий план незаметно проникнуть в бальный зал, выразить свое почтение леди Данбери и так же незаметно исчезнуть с треском провалился. Не успел Саймон сделать и двух шагов по навощенному паркету, как его окликнул старый приятель по Оксфорду. Он только недавно женился и горел желанием представить друга своей супруге, красивой молодой женщине, но, к несчастью, с немалыми амбициями, – разве могла она упустить возможность познакомиться сама и познакомить всех, кто находился поблизости, с новым герцогом! Саймон не мог отказать жене товарища в удовольствии, какое та испытывала от того, что, представляя его, многократно повторяла титул «герцог».

Таким образом, спустя пару часов он был уже знаком почти со всеми незамужними девицами в зале и взят на заметку их матерями, а заодно и многими замужними старшими сестрами, сопровождавшими младших по возрасту. Незамужние были утомительны, их матери – тщеславны, а старшие сестры... они были настолько прогрессивны во взглядах, что Саймону иногда начинало казаться, что он попал в настоящий бордель. Шесть из них сделали ему недвусмысленные устные предложения, две умудрились опустить в его карман записки с приглашением к себе в будуар, а одна – та просто провела рукой по его бедру...

Нет, решил он, встреча с Дафной была куда интереснее. Кстати, куда подевалась эта странная девушка? Некоторое время назад он видел ее издали в окружении братьев, но потом она исчезла.

О том, что Найджел мог снова причинить беспокойство, Саймон не волновался – этот тип получил неплохую встряску и, когда придет в себя, скорее всего отправится прямо домой зализывать раны, душевные и физические. Саймон нашел глазами Энтони и его братьев в кругу юных созданий и опекунш. Но не в таком плотном, как его, подумал он с завистью, им легче вырваться.

Он постарался встретиться взглядом с Энтони, изобразив страдальческую мину.

Энтони понял, улыбнулся в ответ, поднял повыше бокал с красным вином, приветствуя друга. И в это время Саймон был атакован еще одной матерью с тремя дочерьми – все в нелепых безвкусовых платьях, перегруженных оборками, воланами, складками и, конечно же, украшенных лентами, лентами и еще раз лентами.

Как не сравнить всю эту безвкусицу с изящным и простым серовато-зеленым платьем Дафны. Дафны, у которой такой прямодушный взгляд карих глаз и лукавая улыбка.

– Ваша светлость! – возопила мать трех дочерей, стараясь привлечь его внимание. – Ваша светлость!..

Саймон вздрогнул. Клумба из лент уже закрыла от него Энтони, и он ощутил себя выброшенным на незнакомый остров.

– Ваша светлость, – решила наконец завершить начатую фразу многодетная мамаша, – какая честь для всех нас познакомиться с вами!

Саймон коротко поклонился. Сказать было нечего, отступить некуда. Он опасался, что его вот-вот раздавят.

– Джорджиана Хаксли посоветовала подойти и представить вам моих дочерей, – продолжала дама.

В жизни он не слышал этого имени, но снова кивнул. Что же касается самой миссис Хаксли, то он дал себе твердое слово при первом же удобном случае задушить ее.

– Вообще-то я от природы застенчива, – говорила почтенная матрона, – и никогда не подошла бы к вам, но ваш отец, ваш милый папа был моим добрым другом. Он...

Саймон почувствовал, что цепенеет.

– ...такой превосходный человек, – лился ее голос, – умевший поддерживать честь и достоинство своего титула. Представляю, каким он был отцом.

– Я не знаю каким, – произнес Саймон ледяным тоном.

– Что?.. О! – Дама вынуждена была откашляться, прежде чем заговорить вновь. – Понимаю... да... конечно... во всех семьях бывает...

Она продолжала свой нескончаемый монолог, Саймон хранил молчание. Почему Энтони, черт его подери, не приходит на помощь? Его друг более опытен в светских ритуалах и мог бы что-то сделать, чтобы Саймон не чувствовал себя призовым жеребцом перед всеми этими женщинами, чтобы ему не приходилось выслушивать слова о том, каким прекрасным отцом был старый герцог...

Все это просто невыносимо! Для этого он рвался сюда из-за границы?

– Ваша светлость, вы не слушаете меня... Кого вы ищете там?

Саймон сделал над собой усилие, перевел взгляд на говорившую. Нужно быть более терпимым, хотя бы вежливым с ней. Она ведь ни в чем не виновата перед ним и, восхваляя отца, хотела лишь сделать ему приятно.

– ...не могу забыть, – говорила она, – как семь лет назад... когда вы еще были графом Клайвдоном, нас представили друг другу.

– Да-да, конечно, – рассеянно произнес Саймон, тщетно пытаясь привлечь внимание Энтони.

– А вот и мои дочери, – сказала дама, делая знак трем девицам подойти ближе.

Две из них – Саймон не мог этого не заметить – были прехорошенькие, третья вообще почти ребенок, в нелепом оранжевом платье, и было заметно, что она не получала ровно никакого удовольствия от званого вечера.

– Правда, они прелестны? – не унималась матрона. – Я горжусь ими. И какие покладистые характеры, вы просто не поверите.

Однажды нечто подобное говорил когда-то человек, у которого Саймон покупал породистых щенков.

Девушки присели в реверансе, при этом ни одна из них не подняла на него глаз.

– Ваша светлость, позвольте представить вам... Это Пруденс... Филипа... Пенелопа... А еще одна дочь осталась дома. Ей всего десять лет.

Так, он уже знаком почти со всем семейством, что дальше?.. Но спокойствие, спокойствие, Саймон. Светская жизнь требует жертв. И скажи наконец хоть что-нибудь – молчать здесь не принято.

– А вы... – сказал он. – Вы...

– Ох, прошу прощения! Конечно, вы могли забыть... Я – миссис Фезерингтон. Мой супруг скончался три года назад. Он был лучшим другом... преданным другом вашего отца... Ах да...

Она замолчала, вспомнив холодную реакцию собеседника на упоминание о родителе.

Саймон коротко кивнул:

– Очень приятно, миссис Фезерингтон.

– Моя Пруденс, – переменяла она тему, – прекрасно играет на фортепьяно. Это признают все.

Саймон уловил выражение ужаса на красивом лице девушки и дал себе слово никогда в жизни не просить ее сестр за этот музыкальный инструмент.

– А Филипа пишет прелестные акварели!

Еще одно приятное личико залилось румянцем.

– А Пенелопа? – словно дьявол подтолкнул Саймона задать вопрос.

Миссис Фезерингтон бросила испуганный взгляд на младшую дочь – милую толстушку с маловыразительным лицом и добрыми глазами.

– Пенелопа? – повторила мать в некотором смятении. – Она... э-э... хорошая девочка.

У бедной девочки был такой вид, словно она готова нырнуть под ковер или провалиться сквозь землю. Саймон решил, что, если ему придется сегодня танцевать, он пригласит именно ее.

И вдруг – есть все же Бог на небе – раздался повелительный голос, который мог принадлежать только леди Данбери:

– Миссис Фезерингтон, вы не очень докучаете нашему молодому герцогу?

Саймона подмывало подтвердить предположение, но смятенное лицо Пенелопы остановило его и он произнес:

– Разумеется, нет.

– Лжец, – определила хозяйка, высоко вскинув брови, и повернулась спиной к своей гостье.

Миссис Фезерингтон позеленела, но не произнесла ни слова. Леди Данбери тоже больше ничего не сказала. После недолгого молчания гостья пробормотала что-то насчет того, что должна повидать кузину, и удалилась со всем своим выводком.

Саймон почувствовал значительное облегчение, но в то же время ему было неловко за поведение хозяйки, что он и осмелился высказать ей:

– Не очень-то любезно вы с ней обошлись.

– Да, у миссис Фезерингтон голова набита птичьими перьями³. И у дочерей тоже, кроме младшей. Я их всех знаю чуть не с рождения.

Саймон с давних лет позволял себе (вернее, леди Данбери позволяла ему) разговаривать с ней как с другом-ровесником и потому сказал:

– Вы, как и прежде, нетерпимы ко многим людям?

– Да, и нахожу в этом удовольствие для себя и некоторую пользу для них. – Она улыбнулась. – Не для всех, конечно... А ты, кстати, мог бы и сам давно уже подойти к своей старой знакомой.

– К вам было не пробиться, а меня, как только вошел, сразу атаковали. Я никогда не предполагал, что...

– Что так трудно быть герцогом, дружок?.. А, вон идет наконец твой приятель, которого я с полным на то правом могу назвать трусом.

– Вы что-то обо мне сказали? – спросил подошедший Энтони.

– Сказала, что могли бы вырвать друга из цепких рук миссис Фезерингтон.

– Но я, наоборот, наслаждался его растерянностью, – сказал тот. – Пусть прочувствует, как мы тут все страдаем. Красивые и холостые.

– Хм...

С этим междометием, относящимся больше к первому определению, нежели ко второму, леди Данбери величественно удалилась.

– Своеобразная дама, – заметил Энтони, глядя ей вслед. – Не удивлюсь, если именно она издает эту дурацкую газетенку и скрывается под именем Уистлдаун.

– Ты говоришь о скандальном листке со сплетнями?

– Конечно. Пойдем к моим братьям.

Пока они шли, Энтони поинтересовался:

– Ну как, я был прав, когда предупреждал об опасности материнской экспансии?

– Скорее агрессии, – уточнил Саймон. – Но как ты знаешь, меня всегда бесило, если ты оказывался прав, а потому не будем больше об этом.

Энтони рассмеялся:

– Если и теперь ты не станешь признавать моей правоты, я начну сам натравливать на тебя потенциальных невест.

– Только попробуй! Вызову на дуэль. Или просто отравлю, и ты умрешь медленной, мучительной смертью.

Они уже подошли к двум высоким молодым людям с густой гривой, весьма похожим друг на друга и на Энтони.

– Помнишь моих братьев? Это Бенедикт и Колин. Первого ты не можешь не знать еще по Итону. После поступления он месяца три ходил за нами по пятам, как соглядатай.

– Ничего подобного, – возразил тот. – Вам просто очень нравилось опекать меня и показывать свое превосходство.

– А Колина ты скорее всего не знаешь, правда? – продолжал Энтони. – Он был слишком мал, чтобы путаться у нас под ногами. Мы...

– Приятно познакомиться, Саймон, – прервал брата Колин. – Думаю, мы подружимся, хотя бы для того, чтобы вместе защищаться от нападков Энтони.

– Слышите, как заговорил младшенький? – сказал Энтони. – Подумать только – сегодня прибыл из Парижа и уже совсем распустился.

– Я тоже недавно вернулся в Англию, – заметил Саймон.

– В отличие от меня вы повидали много стран, – весело произнес Колин. – Но не знаю, видели ли хотя бы долю того, чем я успел насладиться в Париже всего за пару недель?

³ Игра слов: от *англ.* «feather» – перо. – *Примеч. ред.*

В Колине еще много мальчишеского, подумалось Саймону, как и в его сестре Дафне. Он, верно, чуть старше ее. Кстати, почему ее нигде не видно? Неужели сбежала?

И в этот момент Бенедикт спросил:

– А с Дафной вы знакомы? Матушка привезла несчастную тоже на показ.

Пока Саймон раздумывал над ответом, Колин, оглядевшись, воскликнул:

– Вон она! Смотрите...

Дафна стояла возле матери и выглядела действительно не слишком счастливой. Так, во всяком случае, показалось Саймону.

Только сейчас он понял, как точно определил Бенедикт ее положение – она здесь словно экспонат для показа, и распорядитель этого действия – ее мать. Но разве можно сказать, что Дафна похожа на манекен? Она такая живая и самостоятельная! Однако и ей не вырваться из этого круга: старшая из четырех дочерей в большой семье, и мать поступает, как все матери на свете, тем более принадлежащие к так называемому высшему обществу.

Ему стало жаль девушку, он сочувствовал ей, но помочь, увы, ничем не мог.

Бенедикт был другого мнения.

– Нужно выручать сестренку, – заявил он. – Матушка держит ее, как на привязи, возле этого Макклесфилда уже минут десять.

– Бедный малый, – пожалел Энтони собрата по несчастью, тоже холостяка, и, заметив удивленный взгляд Саймона, поспешил добавить: – Нет, не думай, я не считаю, что с нашей сестрой кому-то будет скучно, но просто если уж мама прицепится... Слова не даст никому сказать. Нужно спасать и Дафну, и Макклесфилда.

– Совершенно верно, – подтвердил Колин. – И даже нашу матушку... от нее самой.

Однако Саймон заметил, что при этом никто из братьев не сдвинулся с места ни на дюйм.

– Что же вы стоите? – спросил он.

– Энтони самый старший, – ответил Колин. – На худой конец пускай идет Бенедикт...

– Пойдем все вместе, – решил Энтони, не двигаясь с места.

– Да, вместе, – согласились два других брата, оставаясь стоять где стояли.

– Вы что? – громким шепотом спросил Саймон. – Так боитесь матери?

– Именно так, мой друг, – сокрушенно признался Энтони. – Это у нас с детства.

Бенедикт подтвердил его слова кивком, а губы Колина растянулись в извиняющейся улыбке.

Ну и ну, подумал Саймон с легким презрением, а выглядят такими сильными и уверенными в себе. Но вспомнил, что никогда не знал матери (и отца, впрочем, тоже) и что ему трудно, если вообще возможно, судить братьев.

– Если только посмею вмешаться, – попробовал объяснить Энтони, – мать возьмет и меня в клещи и начнет водить от одной незамужней девицы к другой. Брр... Я такого не вынесу!

Саймон живо представил себе эту картину и не смог удержаться от смеха, за ним расхохотались все братья.

– Да, Саймон, – добавил печально Бенедикт, – мы здесь между двух огней: с одного фланга атакуют мамы с дочерьми, с другого – собственная родительница.

– Но вы, Гастингс! – воскликнул Колин. – Вы вполне могли бы вмешаться и вызволить нашу любимую сестренку. Вам почти ничто не угрожает.

Саймон бросил взгляд на леди Бриджертон, которая в этот момент что-то говорила молодому Макклесфилду, крепко ухватив того за рукав, и решил, что лучше прослышет трусом, чем попытается бороться с этой маленькой, но решительной женщиной.

– Нас не представили друг другу, – пробормотал он, – и будет невежливым с моей стороны, если я вдруг...

– Ты же герцог, черт побери! – воскликнул Энтони. – Многое в твоей власти.

– Ты почерпнул это из уроков истории? – спросил Саймон.

– Нет, просто думаю, что мать простит любое нарушение приличий, если ценой этого будет знакомство ее дочери с герцогом.

– Ну, знаешь, – возмутился Саймон, – я вам тут не жертвенное животное...

– А в Африке вы тоже были? – спросил Колин, чтобы сменить тему, но Саймон не ответил.

– Кроме того, когда я видел вашу сестру, она говорила, что и сама может...

– Вы уже познакомились? – почти одновременно поинтересовались братья. – Когда? Где?

Саймон с удивлением обнаружил металл в голосах, лица напряглись, и, переведя взгляд с одного брата на другого, подумал, что при таких ярких защитниках традиций и семейной чести их сестре не страшны все Найджелы вместе взятые. Но с другой стороны, не распугали бы эти преданные родственнички вообще всех до одного потенциальных женихов.

Однако надо было что-то отвечать – Бриджертоны смотрели на него с некоторым подозрением, которое ему не слишком нравилось.

– Если это вас так интересует, – сказал он, – я столкнулся с ней почти в прямом смысле слова, когда пробирался в зал. И сразу понял, – смерил он взглядом всех братьев, – что она из вашей семьи. Поэтому осмелился представиться ей.

Энтони повернулся к Бенедикту.

– Наверное, когда она удирала от Бербрука.

Бенедикт взглянул на Колина:

– А где же он сам?

Тот пожал плечами:

– Понятия не имею. Наверное, где-нибудь залечивает свое израненное сердце.

– Но почему ты ничего мне не сказал? – спросил Энтони.

«Какой зануда! Все-таки очень хорошо, что у меня нет старших братьев», – решил Саймон и рявкнул:

– Да к тебе было не пробиться сквозь строй поклонниц и их родительниц! А вскоре и меня лишили свободы передвижения.

– У вас, видимо, нет сестер? – сочувственно спросил Колин.

– Нет, слава богу!

Про братьев он добавлять не стал.

– Дафф далеко не худшая из возможных сестер, я думаю, – сказал Бенедикт, не желавший, чтобы Саймон превратно истолковал слова Колина. – И у нее не так уж много поклонников.

Саймон перестал понимать, хорошо это или плохо, и потому ничего не произнес. За него это сделал Колин.

– Почему ты так думаешь? – спросил он Бенедикта.

– Уж, во всяком случае, не потому, – ответил за того Энтони, – что она недостаточно хороша собой.

Саймон мог бы по горячим следам подтвердить мнение друга, ибо совсем недавно испытал неудержимое желание заключить Дафну в объятия, прижать к стене и целовать, целовать...

– Хороша или не хороша, – произнес герцог, решив наконец закончить все разговоры на эту тему, – но я не собираюсь выручать ее, поскольку вспомнил, как она сама сказала мне, что ваша матушка запретила ей находиться в моем обществе.

– Неужели? – весело воскликнул Колин. – Как пикантно! У вас такая дурная репутация?

– Видимо, да, мне трудно судить. – У Саймона не было особого желания выступать в собственную защиту. – Впрочем, хочется думать, большая часть обвинений в мой адрес незаслуженна. Надеюсь, это может подтвердить мой старый друг Энтони.

– Жаль, – рассмеялся Колин, – а я так надеялся поучиться у вас чему-нибудь плохому.

– Обратитесь к своему старшему брату. Он вполне достойный наставник.

– Ладно, – примирительно сказал Энтони, положив руку на плечо Саймона. – Пойдем все-таки, мой друг, к этой страшной женщине, которая произвела нас всех на свет. Ручаюсь, она не укусит тебя.

Саймону ничего не оставалось, как подчиниться. Тем более что рядом с их матерью стояла Дафна, общение с которой после недавней атаки на него семейства Фезерингтон не представлялось таким уж невыносимым.

И вот они приблизились к леди Бриджертон.

– Матушка, – произнес Энтони, – я не видел вас весь вечер!

Ее лицо озарилось улыбкой, и Саймон понял: честолюбива она или нет, тщеславна ли или сверх меры настойчива, но она искренне любит своих детей. Это ясно как день.

– Энтони! – воскликнула она. – Как мило, что ты подошел. Мы как раз беседуем с лордом Макклесфилдом.

– Я заметил. – Энтони сочувственно взглянул на приятеля.

Саймон встретился глазами с Дафной и едва заметно покачал головой. Она поняла его безмолвный вопрос и ответила тем же движением.

– А кто с тобой, Энтони? – спросила леди Бриджертон. – Простите, я не знакома с вами.

– Это новоиспеченный герцог Гастингс, мама. Вы должны помнить Саймона со времен моей учебы в Итоне и Оксфорде.

– Конечно, – вежливо согласилась она.

Макклесфилд, получивший передышку, умело воспользовался ею и воскликнул:

– О, я вижу моего отца!

Энтони тут же отреагировал:

– Так иди же к нему. Я забыл сказать, он тебя всюду ищет.

Дважды повторять не пришлось – Макклесфилд исчез с быстротой молнии.

– Мне казалось, у молодого человека с отцом серьезная размолвка, – с недоумением произнесла леди Бриджертон, глядя ему вслед.

– Так оно и есть, – подтвердила Дафна.

– И мнение в обществе о нем далеко не из лучших, – продолжила мать.

Кого бы она ни имела в виду – отца или сына, – Саймону показалось это забавным, и он еле удержался от смеха: значит, не у него одного подмочена репутация – уже легче.

– Насколько могу припомнить, леди Бриджертон, – обратился он к ней, – до моего отъезда из страны мы не встречались. Зато теперь я счастлив засвидетельствовать вам свое почтение.

– Рада познакомиться, – ответила она. – Это моя дочь Дафна.

Саймон дотронулся до затянутой в перчатку руки, которую протянула ему девушка, и прикоснулся легким вежливым поцелуем к кончикам пальцев.

– Мне доставляет честь официальное знакомство с вами, мисс Бриджертон.

– Официальное? – удивленно воскликнула ее мать.

Дафна уже приоткрыла рот, чтобы ответить, но Саймон опередил ее:

– Я уже рассказывал Энтони о нашем мимолетном знакомстве сегодня вечером.

Леди Бриджертон недовольно сдвинула брови:

– Почему же ты ничего не сказала об этом мне, милая?

– Потому, мама, что мы обе были страшно заняты. Сейчас с лордом Макклесфилдом, до него с лордом Уэстбро, а до него с...

– Я поняла тебя, Дафна, – холодно прервала ее леди Бриджертон.

И снова Саймону нужно было сделать немалое усилие, чтобы сдержать приступ смеха, который мог оказаться не слишком к месту.

Забыв о своем недовольстве дочерью, дама повернулась к Саймону, одарив лучшей из своих улыбок, из чего он заключил, что о его дурной репутации уже нет и речи и все его прежние грехи, если и были, прощены.

Но, как ни странно, именно этот вывод заставил его подумать о побеге. Пускай и не таком молниеносном, какой удался Макклесфилду...

Энтони угадал его намерение, потому что успел прошептать ему на ухо:

– Извини меня, старина, но ты попался.

На что Саймон процедил сквозь зубы:

– Я убью тебя.

Дафна, как видно, все поняла и слегка улыбнулась. А леди Бриджертон почти ничего уже не видела и не слышала – в ее голове мелькали видения предстоящей свадьбы, которая будет грандиозной, как и подобает, если дочери предстоит стать герцогиней.

Однако радостные картины будущего были безжалостно прерваны вторжением настоящего в образе все той же вездесущей миссис Фезерингтон, на сей раз с двумя, а не тремя дочерьми. Но от этого всем стало не намного легче. Почтенную матрону как магнитом притягивал герцог Гастингс.

Значит, необходимо принимать срочные меры. Какие? В голову Саймону пришло только одно. Повернувшись к Дафне, он произнес:

– Мисс Бриджертон, могу я пригласить вас на танец?

Глава 5

Вы, конечно, побывали прошедшим вечером на балу у леди Данбери? Стыдитесь, если нет! Ибо тогда вы не стали свидетелем очередной сенсации... Какой? Вашему автору, да и всем присутствующим в тот вечер сделалось совершенно ясно, что мисс Дафна Бриджертон привлекла значительное внимание и, не побоюсь этого слова, интерес новоиспеченного герцога Гастингса, едва успевшего вернуться из дальних странствий.

Можно себе представить, какое чувство облегчения испытала ее мать, леди Бриджертон! И как печально было бы, если бы Дафна осталась невостребованной до начала следующего сезона! А у леди Б., не забудьте, на очереди еще три дочери. Ужас!

«Светская хроника леди Уистлдаун», 30 апреля 1813 года

Отказать ему Дафна не могла.

Во-первых, потому, что мать смотрела на нее с выражением «не-капризничай-я-твоя-мать-и-делаю-все-для-твоего-счастья».

Во-вторых, отказ мог вызвать у братьев новую волну пересудов и подозрений по поводу их тайного знакомства с Саймоном. И не только у братьев.

И наконец, ей самой куда больше хотелось танцевать с ним, нежели пускаться в беседу с миссис Фезерингтон и ее дочерьми.

Разумеется, этот нахальный тип даже не предоставил ей возможности, как положено в приличном обществе, ответить на приглашение какими-нибудь вежливыми словами вроде «с удовольствием», «буду чрезвычайно рада» или, наконец, простым «да», а вместо всего этого сразу повел на середину зала. Но что с него взять?

Оркестр в это время как раз производил те ужасные звуки, которые носят название «настройка», так что им пришлось немного подождать, прежде чем заиграла музыка.

– Благодарю, что не отказались, – произнес Саймон не то вполне серьезно, не то с иронией – Дафна не могла разобрать.

– Можно подумать, будто у меня был выбор, – с усмешкой ответила она.

– У вас есть выбор сейчас.

– Позвольте им воспользоваться? И что тогда?

– Тогда я повторю приглашение, – ответствовал он, и вид у него при этом был совершенно мальчишеский.

«В какие детские игры мы играем», – подумалось ей. Но игра была не лишена приятности.

– А что, – спросил он, – сейчас молодые леди, как и прежде, должны получать разрешение от своих матерей на танец?

– Сколько лет вас здесь не было? – вместо ответа осведомилась она.

– Около шести. Так должны или нет?

– Думаю, у нас ничего не изменится и за шесть веков, – с легким вздохом ответила Дафна.

– Вы получили это разрешение?

– Да.

– Тогда вперед!

Он подхватил ее, и они вступили в круг танцующих. Только когда они оказались в другой стороне зала, Дафна поинтересовалась:

– Что именно вы рассказали моим братьям о нашей первой встрече?

Он молча улыбался.

- Черт возьми, чему вы улыбаетесь?
- Просто удивляюсь вашей выдержке.
- Не понимаю, о чем...

Он приблизил губы к ее уху и тихо произнес:

– Вы не из самых терпеливых молодых леди, насколько я успел заметить, но почему-то только сейчас, в другом конце зала, заинтересовались моей беседой с вашими церберами.

Партнерша покраснела. Не оттого, что он назвал церберами ее братьев, а совсем по другой причине – он оказался хорошим танцором, и ей действительно не хотелось думать ни о чем другом, а просто наслаждаться плавными движениями и чувствовать его руки на своей талии.

– Однако поскольку вы спросили, – услышала она вновь, – сообщаю: что им известно всего лишь то, что мы случайно столкнулись в холле и, заподозрив в вас принадлежность к семейству Бриджертон, я взял на себя смелость представиться вам.

- И они поверили?
- Почему бы и нет? Разве я рассказывал небылицы?
- По-моему, нам вообще нечего скрывать, – смело заявила она.
- Разумеется, мисс Бриджертон.
- Если кто-то и должен стыдиться, так это бесстыдник Найджел.
- Полностью с вами согласен.
- Как вы думаете, сэр, он до сих пор валяется там?
- Не хочу об этом думать...

Они сделали еще несколько кругов, стараясь не смотреть друг на друга и не произносить ни слова. За них говорили сейчас соединенные руки и движения тел.

Первой нарушила молчание Дафна:

- Вы давно не бывали на лондонских балах и сразу натолкнулись на малоприятную сцену.
- В этой сцене один из персонажей был вполне приятен, другой – не слишком.

Она с улыбкой приняла комплимент и через некоторое время заговорила вновь, считая, видимо, нужным, как ее учила мать, поддерживать светский разговор во время танца:

- Не считая этого досадного происшествия, вы довольны сегодняшним вечером?

Он так выразительно затряс головой, что она не удержалась от смеха.

- Настолько противно?
- Вы и представить себе не можете!

– Но почему? Вас никто ни к чему не принуждает. Побывать бы вам хоть минуту на моем месте!

Он в ужасе прикрыл глаза.

- Не говорите так, это ужасно! Я бы не вынес.
- Если можно эти слова считать выражением сочувствия, то благодарю вас, сэр.

Ее смех, как ему показалось, прозвучал очень мелодично на фоне музыки, и он хотел бы попросить, чтобы она не переставала смеяться.

– Все-таки мы довольно грустная пара, не правда ли? – спросила она после новой паузы. – Не сменить ли нам тему?

Он не ответил.

Еще несколько туров вальса, и он откровенно сказал:

- Мне ничего не приходит в голову.

Это опять вызвало ее смех, который снова чудесным образом соединился с музыкой и подействовал на него завораживающе.

- Тогда сдаюсь, – сказала Дафна. – Но что вас так угнетает здесь?
- Что или кто?
- Кто? – уточнила она. – Это становится интересным. Вы можете объяснить, кто они?
- О, все, с кем я сегодня столкнулся. Для их описания не хватит слов.

– Вы имеете в виду – приличных слов?

– Пожалуй.

Она поджала губы.

– Это звучит довольно грубо, сэра. Вы не находите? Значит, мне просто показалось, что вы не без удовольствия разговаривали с моими братьями?

Его рука чуть сильнее сжала ее талию. Еще несколько танцевальных па, и он ответил:

– Прошу прощения, мисс. Ваша семья исключается из этой группы.

– Какое облегчение для всех нас, ваша светлость. Приношу вам благодарность от лица всего клана.

«Ну и язва! Ей палец в рот не клади. Да и я хорош – мелю всякую чепуху», – подумал Саймон.

– Еще раз прошу извинить за сумбурность высказываний, мисс Бриджертон. Я не хотел вас обидеть.

– Ладно, вы прощены. Но если серьезно – что вас привело в такое уныние?

– А как бы вам понравилось, – с горячностью произнес он, – если бы вас подвергли знакомству со всеми незамужними леди в этом огромном зале? Если бы требовалось что-то сказать каждой из них и их матерям и, в свою очередь, выслушать всех?.. Вы смеетесь, мисс Бриджертон?

Да, она смеялась. Ее красивые глаза даже немного увлажнились.

– Прилично ли насмеяться над своим партнером по танцу? – спросил он с улыбкой, на что она отрицательно замотала головой, с трудом выговорив:

– В высшей степени неприлично.

– Однако вы продолжаете смеяться.

– Да, продолжаю. Потому что сама прошла через это – в несколько ином роде, но прошла – и, как видите, осталась жива.

Его лицо сделалось серьезным.

– Но почему вы продлеваете свои страдания? – спросил он. – Разве никто не просил вашей руки?

– Должна я понимать так, что это сейчас делаете вы?

Кровь отлила от его лица. Он молчал.

– Не пугайтесь, милорд. Прошу извинить меня за неудачную шутку. Но ваш вопрос тоже был не из самых тактичных.

Ему хотелось ответить каким-нибудь ироничным пассажем, но, как назло, ничего не приходило на в голову.

Она заговорила первая.

– Чтобы ответить на ваш вопрос, сэра... – голос ее звучал не так звонко, как раньше, в нем не стало прежних мягких нот, – должна напомнить, что любая девушка стоит перед выбором, и это, поверьте, самое трудное. Вам уже повезло увидеть Найджела, одного из кандидатов. Не слишком подходящий, верно?

Саймон молча кивнул.

– А до него мне делал предложение лорд Чалмерз. Видите, как я с вами откровенна. Сама не знаю отчего.

Он тоже не знал, но сейчас его поразило другое.

– Чалмерз? – воскликнул он. – Но ведь ему...

– Далеко за шестьдесят. И поскольку я не оставила намерения иметь детей...

– У некоторых мужчин такого возраста тоже случаются дети, – решил вступить за пожилых Саймон. – Мне известны случаи...

– Но мне не хочется рисковать, – прямолинейно заявила Дафна. – Кроме того, и это главное, я не хотела бы иметь с ним общего потомства.

Разыгравшееся воображение Саймона нарисовало ему не слишком приятную картину пребывания лорда Чалмерза в одной постели с Дафной, и он разозлился, даже не понимая на кого. Скорее на самого себя...

– До этого старика, – продолжила Дафна, – уж если вам так интересно... До него были еще двое, тоже малосимпатичные... А перед ними...

Он перебил ее прямым вопросом, не принятым в подобном обществе:

– А вы вообще хотите вступить в брак?

– Конечно. – В ее голосе звучало удивление. – Кто же этого не хочет?

– Я.

Она снисходительно усмехнулась:

– Вам так кажется. Это со временем пройдет. Большинство мужчин в молодости боятся брачных уз.

– Оков! – запальчиво сказал он. – Я их не надену никогда.

Она внимательно посмотрела на него. Что-то в его тоне и выражении лица говорило ей, что он совершенно искренен.

– А как же ваш новый титул? – спросила она.

Он пожал плечами:

– Что с ним такое?

– Как что? Если вы не женитесь и не произведете на свет наследника, титул угаснет вместе с родом. Или перейдет к какому-нибудь противному кузену.

В его глазах появились искорки смеха. Таким он ей нравился больше.

– Откуда вы знаете, что все мои кузены противные?

Ее лицо тоже озарила улыбка.

– Все двоюродные, да еще претендующие на титул, бывают пренеприятные. Разве вы не знаете такого правила?

– Ваши слова еще раз свидетельствуют о том, что вы досконально изучили мужчин, – с преувеличенным восхищением произнес он.

Она победоносно взглянула на него.

– А раньше вы мне не верили.

Он снова сделался задумчивым, а спустя некоторое время спросил:

– А оно того стоит?

– Что именно?

Саймон на мгновение отпустил ее руку и махнул в сторону толпы гостей:

– Все это. Бесконечный парад тщеславия и честолюбия. Пребывание матери в роли сторожа за спиной.

Дафна фыркнула:

– Не думаю, что матушка пришла бы в восторг от такого сравнения. Да, думаю, оно того стоит, выражаясь вашим языком. Потому что все это называется жизнью.

Она замолчала, и он подумал, что больше ничего не услышит в продолжение беседы, но она заговорила снова, глядя на него большими потемневшими глазами:

– Я хочу мужа и детей. Мне кажется, что желание это не так уж глупо. Я четвертая в семье из восьмерых детей, почти ничего не знаю и не видела, кроме нашего дома, сестер, братьев, и не представляю существования вне их окружения.

Саймон не сводил с нее глаз, а в голове звучал тревожный сигнал-предупреждение: ты хочешь ее, ты готов пойти на любую глупость, чтобы в конце концов овладеть ею, но ты не должен, не смеешь этого делать. Даже пытаться. Даже думать об этом. Не смеешь нарушать ее сердечный покой, разбивать хрупкие стены мира, в котором живет ее душа. Ведь тем самым ты и себя выведешь из равновесия, пускай призрачного, и не сможешь уже никогда обрести успокоения.

Она, как все нормальные люди, хочет семью, детей, а ты... Ты даже думать об этом не желаешь!

Тебе она нравится, приятно быть рядом с ней – как ни с кем раньше. Но ты не смеешь даже прикоснуться к этой женщине, ты обязан оставить ее для кого-то другого...

– Что с вами? – негромко спросила она и улыбнулась. – Витаете в облаках?

Он отвел взгляд.

– Просто задумался над вашими словами.

– Неужели они стоят того?

– Вполне. Не могу припомнить, когда слышал последний раз такие простые, откровенные речи, полные глубокого смысла.

– Вы мне льстите, ваша светлость.

– Сейчас не надо иронии, мисс Бриджертон. Ведь хорошо, если человек знает, чего хочет.

– А вы знаете?

Как ей ответить? Как и у всех, были вещи, о которых он не мог, не хотел говорить ни с кем. Даже с самим собой. Но как легко беседовать с этой необычной девушкой, так непохожей на других из ее круга. Они ведь только-только познакомились, и разве может он позволить себе откровенность?

В конце концов с явной неохотой он проговорил:

– Еще в юности я сделал кое-какие выводы и дал себе клятвы... И пытаюсь их выполнять.

Дафна не сумела скрыть любопытства, однако правила хорошего тона не позволяли ей быть чрезмерно настойчивой, и она ограничилась полусутильной фразой:

– Ну вот, мы стали по-настоящему серьезными. А ведь единственное, что собирались выяснить, это кому из нас противнее на сегодняшнем балу.

Вот это их и объединяет, подумал Саймон: протест против привычек и правил общества, которому они оба принадлежат.

И в этот момент в его голове возникла странная, даже дикая идея. Однако такая занятная! И в то же время весьма рискованная, ведь она означала, что ему предстоит длительное время находиться в обществе этой девушки, в ее компании, испытывая при этом то, что он уже начал ощущать, но не имея права на осуществление своих желаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.